

НАТА ПОТЁМКИНА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ИММИГРАНТСКИЕ СКАЗКИ

Ната Потемкина

Иммигрантские Сказки

«Автор»

2020

Потемкина Н.

Иммигрантские Сказки / Н. Потемкина — «Автор», 2020

Книга состоит из 9 новелл, в каждой из которых описывается реальность русскоязычного иммигранта в США сквозь оптику, смещенную автором в магическую, сказочную сторону. Все истории реалистичны, и в то же время – нет. В реальности люди не превращаются в птиц, ящерицы – в людей, а бездомные из южного Бруклина не конструируют летательные аппараты и не изобретают новых видов топлива – в новеллах же подобные повороты присутствуют. Параллельно с судьбами героев, в книге вырисовывается портрет современного Нью-Йорка, написанный «нашим русским» – языком и жителем Большого Яблока, на нем говорящим. Несмотря на «сказочную» почву, в повествовании упомянуты многие существующие законы, юридические и фактические реалии современной «русской Америки». В финале каждой новеллы ее герои обретают то, что необходимо русскому иммигранту – каплю надежды. Время действия – современный Нью-Йорк. Айфоны, интернет, ВЛМ-протесты, нынешняя пресса, Трамп, Путин и «русские хакеры». Содержит нецензурную брань.

© Потемкина Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предисловие редактора	5
Вороны живут триста лет	7
Кобра	22
Между небом и землей поросенок вился	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ната Потемкина

Иммигрантские Сказки

Предисловие редактора

«Иммигрантские сказки» – о Нью-Йорке, но их автор Ната Потёмкина – иммигрант со стажем, сменивший немало городов и стран и в полной мере изведавший на собственном опыте ценности и потери «перемены мест» (к слову, в ее случае перемена мест слагаемых «Ната» и «новая страна» всякий раз давала новую сумму). Она встретила в этой сказке странствий множество людей – хороших и плохих, добрых и злых, беспомощных и могущественных. Встретила – и запомнила.

Профессиональная «радийщица», Ната, кажется, хранит в голове гигантскую картотеку аудиофайлов с признаниями, историями, монологами и диалогами. Думаю, она могла бы даже просто записать их – и это само по себе уже стало бы важным свидетельством, привлекающим внимание к целому пласту общества, к его проблемам, особенностям, «надеждам и чаяниям». И сделай она так – подтвердила бы свою высокую квалификацию журналиста в жанрах интервью и «социалки». Но дело в том, что она – писатель. И как настоящий – по гамбургскому счету – писатель поступила по-другому, переплавив бесчисленные наблюдения в литературу, с именно оной свойственным охватом, масштабированием и выходом за пределы остро задевающей обыденной повестки в пространство «больших величин», вечных понятий и выборов.

Герои «Иммигрантских сказок» продолжают давнюю традицию русской литературы – внимание к «маленькому человеку», за что-то бесконечно обреченному судьбой на безнадежность и отчаяние. Описывая таких героев, легко впасть в искушение: занять позицию ученого-естествоиспытателя, бесстрастно наблюдающего сверху за бестолковым метанием подопытных мышат по лабиринту без выхода и их реакцией на включение света или брошенную крошку, и спокойно ставящего поведенческие эксперименты, создавая невыносимые для физического и морального выживания условия. Ната не делает так.

Ей дана поразительная авторская интонация – отстраненная, но не безразличная, сдержанная, но не холодная. Когда-то это блестяще сформулировал один киногерой: «Я не играю – я счет веду». И здесь, спасибо рисунку на обложке и сюжету открывающей сборник сказки, на ум приходит ворон. Как мифологема. Как олицетворение древнего, беспристрастного и мудрого наблюдателя, видевшего слишком много. От Ворона Эдгара По, возмущавшего свое «Невермор», – до Ворона из «Снежной королевы», которого в данном случае вспоминать, вероятно, уместнее, потому что он был все-таки «за наших». Так вот, автор «Иммигрантских сказок» – тоже «за наших»: он долго терпит, не зажмуривается, видит и замечает все, сохраняя объективность... а потом все-таки вмешивается. Очень аккуратно, давая, так сказать, удочку, а не рыбу.

Маленькие человеки Наты точно так же, как гоголевский Башмачкин, могли бы с безысходной тоской простонать «оставьте меня, за что вы меня обижаете?» – или устало констатировать, как лирический герой Вилли Токарева: «Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой». Но Ната, в реальной жизни давно не питающая никаких иллюзий, своим маленьким человекам милосердно дарит чудеса. Все они в какой-то момент доходят до предела страдания – физического, морального, духовного или бытового, но на самом краю каждому дают надежду на спасение, милосердное «вдруг». Пусть даже они – «рабы» и «немые», им все же посылают однажды поддержку и помощь. Иногда – магическую, а иногда – и это отдельно важно – оказанную такими же маленькими человеками, просто потому что те могут или хотят ее оказать. Эти чудеса – то, во что они уже совсем утратили веру: любовь, справедливость, дружба, отпущение

и даже избавляющий от невыносимости побег, если жизнь загнала в угол. И если сами себе они кажутся оставленными, на самом деле это не так: Ната с ними в болезни и здравии, в горе и радости. В яму, на дне которой они, сброшенные обстоятельствами или ближними, копошатся, автор спускает веревку. А дальше – дело за героем: поднять ли голову и увидеть, что есть за что ухватиться, вскарабкаться ли. Но пусть не смеют говорить – ни они, ни читатели, – что бог не посылал им грузовик, лодку, вертолет, ну и лотерейный билет, до кучи.

Здесь нет чудовищ или злых колдуний – с этой ролью отлично справляется реальность, ее функцию в штатном режиме выполняют законы, организации и обычные люди-подлецы. Нью-Йорк «Иммигрантских сказок» вообще очень реален и реалистичен, огромный, равнодушный, противоречивый, прекрасный и ужасный, описанный Натой в прозе с визуальной силой кино. Нью-Йорк, звучащий иммигрантским волапуком, легко и естественно миксующим слова из разных языков.

Это Нью-Йорк новых поселенцев. Не эмигрантов – они не ностальгируют, не вспоминают о родине, их прежняя жизнь отсечена. Иммигрантов. Немного похоже на выбор религии. Точнее – на крещение. Одно дело, когда тебя крестили маленьким. Другое – когда ты осознанно и сознательно делаешь выбор во взрослом возрасте. И когда волшебства и манны небесной не ждешь, а просто делаешь что должно, и будь что будет. И – раз уж мы об этом – всякий раз Натиным героям, словно мало им обыденной ежедневной борьбы за существование, приходится иметь дело еще и со стихией. С ураганом, наводнением или просто нескончаемым дождем, словно Всемирный Потоп так и норовит окончательно смести их, как жалкие щепочки, с лица земли, потому что не выдержали проверки на прочность и вообще «не приг-г-годились». Но, в точном соответствии с рецептом спасения – «каждой твари по паре», – рядом оказывается кто-то, бросающий спасательный круг.

«Иммигрантские сказки» не наследуют ничего и никому. Вы не найдете здесь никаких оммажей или невольных подражаний – ни Довлатову, ни Вайлю с Генисом, ни Лимонову, ни Ефимову, ни Тоссу. «Иммигрантские сказки» – сами по себе. Это – редкостно цельная вещь. Каждая сказка – отдельный текст, написанный в своем стиле. Но вместе они – единая история, в которой, между прочим, очень важна последовательность элементов, и которой свойствен идеальный темпоритм. Иммигрантский мир в разных ипостасях и областях, очень современный, не карикатурный, лишенный всякой «местечковости». Два взгляда на него – изнутри и снаружи, на пересечении которых рождается уникальный портрет города и общества. Репортажная точность – и притчевое обобщение. И какая-то очень вдохновляющая – в гуманистическом смысле – идея и интенция, при беспощадности фиксации реалий: отсутствие всякой патетики и сентиментальности – в присутствии тонкой грустноватой и деликатной надежды.

Эта сказка – не ложь, хотя намеков в ней предостаточно. Это настоящая литература. Самобытная, оригинальная, рожденная вдохновением спонтанности и взращенная тщательным усердием, честная, бескорыстная, ни на что не претендующая и ничего не ждущая – кроме возможности быть созданной и прочитанной.

Леся Орлова

Вороны живут триста лет

Врачи сказали, ситуация пограничная, мы не знаем, сказали они, как будет дальше. Может, и нормально будет. Не давайте ему курить. По возможности. Нет, мы понимаем, он мужчина авторитарный, он нам всем тут регулярно устраивает... Но по возможности. Алкоголь? Нет, совсем не рекомендуем. Но вы же понимаете, мы говорим о вещах, которые никому не полезны. Алкоголь и вам не полезен, но вы, я вижу, и так не по этой части. Сложно, верим. Верим всему, что вы скажете, заведомо. Но постарайтесь убедить его... хорошо, постарайтесь регулярно убеждать его. Да, внутренний стержень там есть, и... вы знаете... – тут доктор нахмурился, как бы сам для себя решая, стоит ли это говорить, – у меня нет мнения насчет того, однозначно хорошо это в его ситуации или однозначно плохо. Многих я видал его возраста, поделюсь личным мнением, стержень кое-что значит. Он может стать той соломинкой... и вот видите, Елена, я говорю «соломинкой», я правильно слово-то подобрал. Погодите, я объясню. Это может быть соломинка, за которую уцепится утопающий... а может быть соломинка, которая переломит спину верблюду, знаете эту притчу? Не беда, если не знаете, будет время – погуглите. В общем, это может быть хорошо для него и может быть плохо. Ну, еще полезно всякое вроде... рисования. Не склонен, нет? Любая мелкая моторика. Лего собирать. Пошлет, говорите? Ну ладно, вы подумайте, что ему интересно. Общайтесь, разговаривайте с ним! Обсуждайте с ним политику, Трампа, вон, обсудите. Пусть похвалит его, если хочет... А, ругает? Ну, пусть ругает, все равно. Понимаете, Лена, блеснит тот ключ, которым открывают замки. Я сейчас о его интеллекте, об эмоциях. Говорите с ним о том, что ему интересно, помногу говорите. Слушайте его, показывайте ему, что вам важно, что он говорит. Слушать его в вашей ситуации вообще полезно – если вдруг он перестанет вас узнавать, например, или станет странно отвечать на вопросы, звоните немедленно! Режим дня, конечно. По идее, спать должен хорошо, лекарства по часам, вы все знаете. С кем он? С хоуматтендентом или с вами? С вами или с вашим мужем? С вами, в основном... ну и отлично. Лена, врать вам не хочу. Да вы взрослый человек, что вам врать-то. Восемьдесят девять лет, второй микроинсульт. Ребенком войну встретил, в СССР жил, иммигрировал, скажем откровенно, в неюном возрасте... Он непросто жил, Лен. Все это понятно. Я всех понимаю, у меня работа такая. Резкие перепады настроения, вспышки гнева – все несите мне. Привозите его через две недели, если все в порядке будет, посмотрим. Если нет – раньше. Но я в него верю. А в вас я еще больше верю. Не забудьте подойти на выходе аппойнтмент назначить. Гулять? Конечно, гулять побольше. И подольше. Но только в хорошую погоду. Кстати, в ближайшую неделю погода должна быть сносная. Если захочет сам встать пойти – то только с поддержкой. Пусть муж ваш, или другой мужчина ему поможет. Но он, вроде, привык к коляске, не должно быть проблем. Если устаете – берите хоуматтендента, не изводите себя. Но наблюдайте за ним тоже, посещайте его. Отдохните – и приходите.

Лена встала, поправила пиджак, еще раз посмотрела на доктора – уставший такой доктор, конец дня, серое лицо.

– Спасибо, Аркадий. Спасибо вам огромное.

– Не за что, это моя работа. Рецепт я уже отправил, можете заехать по дороге, забрать. Я же правильно отправил? Райт Эйд на Вест двенадцатой? Вот. До свидания.

Лена взялась за дверную ручку, потянула ее к себе.

– Погодите.

– Что?

– Вообще-то, Лена... надежды мало. Извините. До свидания.

Лена вышла из кабинета, аккуратно закрыла дверь, прошла уже знакомые пять метров по коридору и вернулась в предбанник. Голос Гарри стал слышен сразу, как только она вышла в коридор. Он что-то говорил про «этого рыжего».

– Папа?

– Папа! – радостно подтвердил Гарри.

– погоди еще минутку, я аппойнмент назначу и поедем, – она подошла к стойке, за которой сидела маленькая смуглая женщина. – Здравствуйте еще раз. Гарри Вишневски, через две недели назначьте, пожалуйста.

– Среда, двадцать второе, четыре часа, нормально?

– Да.

– Есть.

– Я – ее папа, – объяснял тем временем Гарри своему соседу в противоположном углу предбанника, – я ее с ложечки кормил!

– А теперь она тебя кормить будет, – грустно отвечал сосед, нескладный мужик в кепке, в аналогичной коляске. Рядом с ним на стуле сидела полненькая латиноамериканка-хоуматтендент.

– Буллит, Беня. Ты говоришь буллит.

– Папа, давай, – Елена подошла сзади и взялась за ручки, затем отпустила, поправила сумку на плече и снова взялась за ручки.

– Не дам. С предохранителя меня сними сначала, тогда, может, дам.

Сосед в кепке тихо засмеялся. Из-за стойки регистрации вышла вторая женщина, такая же смуглая, как и та, что оформляла аппойнмент, только полнее, и подержала входную дверь.

– Ну что? Куда теперь? Хочешь чего-нибудь? Погулять? Покушать? – спросила Елена, когда они оказались на улице.

– По вторникам... – неожиданно начал Гарри, – здесь в библиотеке с девяти утра полит-дебаты для пенсионеров. Беня мне сказал.

– Так, и?

– Будешь меня туда возить.

– К девяти утра?

– Сам ненавижу. Но надо.

– Давай до вторника доживем.

– Не знаю, как ты, лично я планирую.

– А сейчас-то куда?

– На бордвок съездим.

– Куда именно?

– Там посмотрим. Сначала сверни туда. Разберемся.

Отъехав от клиники, они направились к морю. Въезжая на бордвок по длинному дощатому пандусу, Лена осознала, что папа сильно похудел. По сравнению с первым микроинсультом.

– Я знаю, куда поедем. К «Волне» поедем. Ты мне кофе купишь.

– Какой кофе, папа?

– Американо, ноу милк, ноу шуга.

– «Какой кофе» в смысле «тебе нельзя».

– Ноу кофеин, – неожиданно спокойно ответил Гарри.

– Ну, я спрошу у них.

– Я вообще готов цикорий пить, если что.

– Учту.

– А ты вообще знаешь, что такое цикорий?

– Ты же показывал. На полке, в коробочке.

– Я показывал? – спросил Гарри и тут же ответил: – Да, было дело. Показывал.

Они ехали вдоль длинных сырых досок, по которым навстречу им шли активно гуляющие люди. Было много колясочников; при виде каждого, ну, или почти каждого, Гарри слегка приподнимал правую руку. Навстречу шли пары, стайки подростков, мамы с детьми, темнокожие компании человек по пять-шесть, на ходу играющие на гитарах латиноамериканцы. До «Волны» от поворота идти было минут десять, справа шумел океан, над ним верещали чайки, массы чаек. На пляже было много объедков. Вечер еще не наступил, но к нему готовились.

– Вон та лавочка, сверни туда.

– Которая?

– Крайняя, подлиннее, – Гарри указал на самую дальнюю скамейку в тенистой нише, стихийно образовавшейся на набережной после того, как там встал ресторан «Волна».

– Там же грязно?

– Нормально.

– Пап, там грязно.

– Никогда там грязно не было, булшит.

– Ну поехали, посмотрим.

– Вот здесь можно.

– И это, по-твоему, не грязно?

– Возьми газету, сядешь на нее.

– Где?

– Вон лежит. Кто-то уже под попу клал.

На соседней лавочке действительно валялась свежая Epoch Times.

– Маленькая.

– Можно подумать, у тебя большая попа.

– Больше, чем тебе кажется.

– Кофе купи. Вон там, в зеленой двери.

– Не хочу тебя бросать.

– Тогда вези.

Они отъехали снова, снова свернули, проехали десять метров до зеленой пластиковой двери, которая была открыта, внутри за столиками сидели люди. К Елене тут же подбежал официант.

– Очень, очень извиняемся, все занято!

– Мне два кофе ту гоу.

– Стой! – вдруг резко сказал Гарри, будто вспомнив что-то. – Поехали отсюда.

– Почему?

– Поехали в магазин.

– Магазин далеко.

– Поехали в магазин, я батон хочу!

То есть как это батон, спросила Елена. Батон? Обыкновенный батон? Да, батон. А с чем? Просто батон? Без ничего? Почему без ничего? Посмотрим, что там есть. С чем-нибудь хочу батон, – сказал Гарри.

Взяли батон, творог с повидлом, свекольный салат и два больших готовых кофе, за которыми пришлось дополнительно заезжать в grosери. Кофе Гарри вез на коленях в картонном боксе, но все равно разлил. Потребовал вернуться на ту же лавочку.

Лена села на газету, странным образом не унесенную ветром за время их отсутствия. С минуту они молчали сидя. Бокс с кофе Лена выгрузила и поставила на скамейку рядом.

Мимо бесконечной толпой по-прежнему шли люди, самые разные, какие только бывают. Иногда с детьми, иногда с собаками. Солнце начинало уходить, но лишь начинало, на соседних лавочках собрались бомжи, пролетариат, музыканты, другие пенсионеры, все вперемешку.

Гарри выбрал самую дальнюю, хотел уединиться. Он достал батон из пакета и гордо положил его на колени. Коляска встала как влитая между двумя скамейками – крайней в углу, подпирающей «Волну», и предпоследней перед нею.

– Ну что, ты будешь есть? Отломить тебе? Салат достать?

– Отломить я и сам могу. Потом. Кофе дай?

Елена достала бокс и оттуда – большой бумажный стакан.

– Сигарету дай?

– Папа!

– Я сказал, дай.

– Папа, тебе нельзя.

– Лена, таким своим поведением ты вызовешь дьявола. Сама, небось, будешь сейчас курить?

– Наверное.

– Ну так дай.

– Одну.

– Одну!

Пока Лена движением человека, которого заставили, доставала сигареты, Гарри поднял с колен батон и стал горделиво махать им в воздухе, запихнув стакан между ног и явно не боясь пролить и обжечься. Со стороны пляжа к нему неуверенно, но оперативно, продолжая шарахаться от людей, двинулись два альбатроса.

– Папа?

– Что?

– Ты что делаешь?

– Ничего.

– Папа.

– Где сигарета?

– Ты что сейчас делал?

– Сходил с ума, не видно разве?

– Очень похоже.

– Где сигарета?

Елена протянула ему сигарету, он неловко, по крайней мере точно менее ловко, чем раньше, зажал ее между пальцами. А что, это тоже может сойти за мелкую моторику, – почему-то подумала Елена.

– И зажигалку.

Лена зажгла огонь и поднесла его к губам Гарри.

– Как чувствуешь себя?

– Как человек, которому после недели некурения дали сигарету и зажигалку. Почти счастлив.

Альбатросы, отчалившие с пляжа на батон, тем временем приблизились.

– Топни на них, пожалуйста.

– Папа?

– Топни.

– Ты же их сам позвал.

– Я не их звал.

Лена замерла на секунду.

– В смысле? А кого?

Альбатросы тем временем исчезли сами – на них двинулись двое близнецов лет семи.

Гарри повернул голову и внимательно, долго смотрел на Лену, держа дымящуюся сигарету в зубах. Лена с детства привыкла к этому. Он мог говорить с сигаретой в зубах, долго, лишь слегка при этом шепелявя. Дым не разъедал ему глаз.

– Ленка.

– Что?

– Ты веришь в то, что вороны живут тришта лет?

– Нет.

– Почему?

– Ну... я читала...

– Что читала?

– Что они живут, как люди, и даже меньше.

– Лена.

– Что?

– Это буллит.

Лена снова замерла и посмотрела на Гарри. Очень пристально и тревожно. Пока они глядели друг на друга, птичий гомон на пляже не умолкал. Через минуту Гарри заговорщически вдруг зашептал:

– А вот спорим... Ленка, смотри на меня... пока смотри... смотри пока... – он тянул время, параллельно рассматривая дочь, изучая, какая взрослая солидная женщина у него получилась, – а вот прямо сейчас посчитай до трех и направь свои глаза нале...во!.. Раз, два, три... направляй!

Говоря это, Гарри смотрел только на нее. На счет «три» Лена непроизвольно посмотрела влево, следуя то ли приказу, то ли любопытству. В метре от отца стояла огромная черная ворона. Просто стояла на досках со сложенными крыльями. Она там как-то беззвучно очутилась.

– Она пришла, – тихо сказал Гарри, также повернув голову, и через пару секунд еще тише, совсем бесшумно, произнес: – Ты пришла...

Птица была действительно очень крупная. Лена однажды видела таких в частном вольере в Колорадо, в Денвер они ездили в отпуск с мужем. Птицы были парой, самец и самка – два мощных, иссиня-черных, туловища, с большими круглыми головами, плавно перетекающими в корпусы. У Гарриной вороны как-то кривовато стояла одна лапка – Лена уже потом поняла, что правая. Лапка функционировала, птица на нее периодически опиралась, топчась по доскам, но что-то с этой лапкой было не то. Зато у нее была такая же большая круглая голова, как у тех, вольерных, в районе перехода в туловище перья слегка топорщились. Она внимательно смотрела на Гарри большими черными, идеально круглыми блестящими бусинами, иногда кокетливо наклоняя голову. Оперение переливалось в остатках солнца, как виниловая пластинка. Лена застала такие в детстве. Людской поток тем временем уменьшился, но кое-кто курсировал туда-сюда. Птица не пряталась, люди видели ее, хотя, для того чтобы заметить всю их группу в том закутке, аппендиксе между зданиями кафе «Волна» и ресторана «Татьяна», нужно было специально заострить внимание. Иногда прохожие замечали большую птицу, явно удивлялись ее размерам, однако продолжали уверенно идти дальше.

Лена молчала. Гарри шумно разломал батон. Сначала пополам. Затем взял половину и стал крошить ее на доски. Птица, не расправляя крыльев, подошла поближе и приветственно щелкнула крупным, даже фаллическим каким-то клювом, со звуком, будто кто-то проткнул надутый воздушный шарик. Затем начала медленно, неторопливо есть крошки, коих образовалось сразу много, постукивая по дереву. Лена молча продолжала смотреть на нее. И Гарри смотрел на нее не отрываясь.

– А я говорю, что вороны живут триста лет, – произнес Гарри. – Правда, длинноклювая? – добавил он совсем тихо, почти про себя, сливая высказанные слова в шум океана. Они удачно слились, минуя Ленины уши.

Птица оторвалась от хлеба, подняла голову, внимательно посмотрела на Гарри и еще раз громко щелкнула клювом.

– Что, не сделали тебе гринкарту, – спросил Гарри, скорее констатируя факт, – зажилили?

Лена снова ничего не сказала и внимательно посмотрела на отца. Гарри не обратил на нее внимания.

– А мяса ты не ешь, да? Так и не ешь? – спросил он у вороны. В ответ птица продолжила есть хлеб, довольно демонстративно, громче стуча по доскам.

– Я всегда говорил, что это очень обедняет рацион.

Птица снова оторвалась от хлеба, посмотрела на Гарри, затем продолжила клевать. Гарри вынул изо рта полудокуренную сигарету, выкинул ее под лавку, затем взял кофе и сделал большой глоток.

– Папа, – вдруг заговорила Лена сразу громко, – папа, посмотри на меня!

– Ты че орешь? – спокойно спросил Гарри, продолжая наблюдать за клюющей батон птицей. Та, кстати, подняла в этот момент голову на Лену, но быстро вернулась к трапезе.

– Пап, я кто?

– Хрен в кожаном пальто, – захихикал старик.

– Спокуха, – повернувшись тут же к ней, оперативно добавил: – Ты – Елена Вишневски, моя родная дочь. Единственная, – он снова сделал глоток, – и горячо любимая.

Лена снова замолчала. Врач ничего о подобном не говорил. То есть бог знает, что он, конечно, подразумевал под словом «странности», но вот конкретно о таком – не говорил.

– Ты... пап, я уточнить хочу.

– Что?

– Ты разговариваешь с вороной?

– Да, а что, нельзя?

Тут, по всем правилам ассоциативного мышления, Лена вспомнила, что говорил владелец вольера в Колорадо. По его словам, птицы эти могут быть опасны для человека: они хищники и кормить их из рук, например, нельзя – можно запросто остаться без пальцев. Но Гарри никуда не лез руками... он кормил ворону, как бабушки кормят голубей.

– Ну... – Лена не нашла, что ответить.

– Так можно или нельзя?

– А зачем?

Гарри добавил крошек. На досках образовалась солидная такая кормушка, на которую издалека косились белые пляжные попрошайки, не вполне осмеливаясь подойти. Затем он снова сделал глоток, развернулся к дочери и сказал:

– Дай сигарету.

– Нет.

– Дай. А то так и буду разговаривать только с ней. С тобой – не буду.

Вздыхнув, Лена достала пачку.

– Раньше я дружил кое с кем, – сказал Гарри тоном, каковым ставят обычно точку. Птица снова подняла голову и на сей раз довольно долго смотрела на Гарри. Просто смотрела. Не стучала клювом. Не ела хлеб.

– Помнишь Риту, мамину подругу? – спросил вдруг Гарри.

– Толстенькая? С... со стрижкой, как у Мирей Матье?

– Да, она.

– Ну, смутно... давно видела...

– Рита чуть выше нее жила, – он кивнул в сторону птицы, явно имея в виду, выше «кого» жила.

– В смысле?

– Она видела, как из форточки одной женщины однажды вылетела эта птица. Она жила на несколько этажей выше.

– Ее что, в доме держали? – удивилась Елена.

– Можно сказать и так, – Гарри вдруг обрадовался формулировке дочери, но тут же добавил: – Но не совсем. В общем, Лена... у меня когда-то была одна знакомая... нет, не Рита. Рита была мамина знакомая. А я наоборот, сперва боялся, что твоя мать ревновать будет. Но ревновать, между нами говоря, было не к чему. Мы просто разговаривали. Пятнадцать лет мы с ней просто разговаривали.

Познакомились они с Гарри здесь же, на бордвоке. Дайна была тогда намного моложе, ей было сорок шесть или сорок семь, она была младше нынешней Ленки. Сказала, что родилась в Риге, в русско-латышской семье. «Я тогда спросил: почему ты не блондинка?». Она ответила, что не все латыши – блондины, это известный стереотип. Большинство, конечно, блондины, но есть и исключения. Тем более, дедушка был еврей.

«Мне она сказала, что приехала сюда для воссоединения семьи. Я спросил – с кем семья-то? Кто родственник? Она сказала, что дочь. Она родила ее в первом браке, а всего была замужем дважды, оба неудачно. Говорит, что ее мужчины пили. Не могу подтвердить, я их не знал. У всех нас разные представления о том, что такое пить... Но дело уже не в них, конечно, она одна приехала, дочь уже здесь была».

Говоря это, Гарри уже не смотрел на птицу. Скорее, птица без взаимности смотрела на него – по крайней мере это так выглядело. Закончив трапезу, она взлетела на спинку лавочки, стоящей по другую сторону относительно коляски Гарри. Лена видела ее черный силуэт в самой темной части бордвока, на котором уже серьезно темнело в целом. Птичья фигура сидела строго за спиной Гарри, сидела так тихо и неподвижно, что издали ее можно было принять за изваяние. Но в какие-то случайные моменты она все же поворачивала голову, и тогда брайтонские, уже зажегшиеся, фонари дарили ее гордым очертаниям легкие, зеленоватые линии. Свет более близких ламп кафе иногда заставлял ее круглый глаз отсвечивать красным, но то был не страшный красный цвет. Это даже не было похоже на глаза, краснеющие при фотовспышке. Это были маленькие круглые огоньки, не внушающие ужаса. Будто птица освещает твой путь.

«Кстати, видел фотографию этой девочки, Дайна показывала мне ее давным-давно, мы только познакомились. А познакомились совсем просто, слово за слово, где-то я там курил, на скамейке, а у нее была кружка-термос, она потягивала оттуда что-то, такая стройная... Она просто улыбнулась мне, без задней мысли, я был с кольцом, я специально выпятил тогда это свое кольцо, чтобы она увидела, но она говорила, что вовсе и не думала кольцо это с меня когда-нибудь снять, просто я ей показался хорошим человеком, и она мне улыбнулась. Кстати сказать, она действительно никогда не пыталась снять кольцо. Так вот, девчонка на фото была не такая красивая, как мать, это жестоко, но я это скажу. Хорошенькая, но не в мать. Инесс ее звали. И она-то вот как раз и была блондинкой. Как большинство латышей. Не знаю, может быть и красила волосы. Или пошла в отца-блондина. Все равно, я видел ее только один раз. На том фото. Потом это фото... потерялось».

Здесь, в Америке, они никогда вместе не жили. Дайна рассказывала, что так, в сущности, и было задумано. Когда ее бывший, первый муж засобирился сюда, дочь захотела рвануть за ним. Но у него уже была новая семья, и она надеялась, конечно, что они ее примут, но все пошло не как планировали. Инесс не смогла там жить, начнем с этого. И она была еще юной, только школу закончила. Понятно, что ни один закон не позволил бы выселить несовершеннолетнего ребенка, – а ей восемнадцать, что ли, или даже девятнадцать было, но не двадцать

один. Однако сам этот ребенок, насмотревшись чего-то такого в новой семье отца, отказался это в дальнейшем видеть.

И она позвонила маме. Дайна в тот момент переехала в Россию, получила российский паспорт, она всегда говорила «я – неправильная латышка, правильные латыши – блондины и едут в Англию, а я – брюнетка и отправилась в Россию», но суть не в этом, а в том, что у нее не было латышского паспорта, то ли отказалась от него, то ли отобрали, все это старая история, старая, а потому мутная. Инесс попросила Дайну приехать и помочь ей поступить в колледж. Инесс хорошо училась, знала английский, она раньше, еще там, дома, училась в специализированной английской школе, результаты были завидные, и рисовать она любила. Дайна получила визу и загранпаспорт, прилетела сюда, в Нью-Йорк, и попросила Инесс оформить ей документы, разрешение на работу, вид на жительство. За это она не бросит дочь, то есть, она ее и так и эдак не бросит, она любила ее (Гарри замолчал, раздумывая, как это оформить) сильнее всех, больше, чем любят детей, сильнее, чем некоторые любят богов. Собирая свой единственный чемодан, она так рвалась к ней, так хотела ее увидеть, что взяла только загранпаспорт с визой, а внутренний российский – забыла. Она поняла это лишь в аэропорту, но не расстроилась тогда, решив, что ей, в случае чего, пришлют, отчего же нет. Да и зачем ей здесь российский внутренний паспорт?

Инесс поступила в колледж с хорошим кредитом, Дайне пришлось оплачивать только часть. Жить Инесс захотела одна, Дайна нашла ей комнату в Бей Ридж, тогда и цены были другие, и Бей Ридж был другим. Инесс решила стать преподавателем живописи, арт-терапевтом, много денег этим и тогда было не заработать, но она рвалась, по крайней мере так это выглядело со стороны, со стороны Дайны, то есть. Дайна видела то, что хотела видеть, она смотрела на нее с восхищением, боже, как она говорила о ней тогда! С ним же, с восхищением, самозабвенно оплачивала ее комнату в Бей Ридж и даже приезжала раз в неделю наводить там порядок. Документы Инесс, вроде, начала делать, они пошли к адвокату, началось оформление воссоединения семьи, Дайна всего пару месяцев была без разрешения на работу, затем получила и его. Пошла убирать в квартирах, в частных домах, это было неплохо по деньгам, она хохотала тогда здесь, на Брайтоне, сравнивая свою зарплату там, инженером пищевой промышленности в Риге, или где-то потом в России, с гонораром клининг-леди. Она была презентабельная клининг-леди, худенькая такая, подвижная, смуглая, волосы развевались на ветру. У нее были фартук, перчатки, заколки и шапочка с резинкой, тележка со всем необходимым, я видел ее как-то, когда она ходила убирать к кому-то тут, на Брайтоне. Себе она тоже, конечно, сняла жилье – маленький невзрачный бейсмент неподалеку, если бы она знала, как опасно снимать здесь бейсменты, но думаю, там стоял вопрос цены, а она была одна, без семьи, любила прогулки, мало времени проводила дома, почему бы, с этой стороны, и не бейсмент?

– Мы редко виделись тогда с нею, но я был рад. Врут, что дружба – та же любовь, только без секса. Буллит. Любовь – это когда каждый день, и чтоб не врозь ни минуты, а мы спокойно так жили с ней, каждый по-своему, я – с твоей матерью, ты тогда в Гарлеме снимала что-то с тем парнем, помнишь (помнить этого Лена совсем, кстати, не хотела), которого ты бросила потом ради Вовки (а вот это вспомнить стоило)? А с ней мы порознь существовали, нам хватало того, что мы просто есть. Раз в неделю, в месяц, встречались на берегу.

Временную гринкарту Дайна получила, с ней два года можно жить припеваючи, но потом, когда эти два года пройдут, надо подавать на пятилетнюю. И вот, когда эти два года практически уже истекли, Инесс не сдала выпускной тест в колледже. Как это не сдала, почему, она хорошо училась, – все было мраком покрыто, Дайна сказала, что Инесс обвинили в плагиате, она дрожала от ярости, не зная, где искать правду. Инесс, по ее словам, погрустила немного, сказав матери, что это ошибка, но правды не добиться, и поступила в другой колледж, снова на материны деньги. Все было по-прежнему ничего, уборок было много, Дайне стали давать частные особняки, она там делала такие уборки, что я б так ремонт не сделал.

– Перестань, папа, ты всегда отлично делал ремонт.

– Рад за себя, – иронично ответил Гарри.

– Она веселая тогда была, все равно веселая. Поступив в другой колледж, не знаю уж, какой, что-то там было связано с психологией, Инесс познакомилась с парнем-американцем и собралась выходить за него. Дайне этот парень, помню, очень. Не. Понравился.

«Ках!» – справа раздался глухой деревянный стук. «Ках!». Затем «чорк, чорк, крекс». Черный силуэт за спиной отца громко стучал своим массивным клювом по спинке скамьи.

– Видишь, дорогая моя, – сказал Гарри, оборачиваясь к вороне, – я не вру. Правду говорю. Не понравился теще будущий зять. Но всем, в общем-то, плевать было...

«Ках!» – громче прежнего стукнула ворона.

– Ты мне так лавочку всю раскрошишь, я понял, понял, – примирительно отреагировал Гарри, и продолжил.

– Ей было за пятьдесят, пятьдесят три или четыре, когда она чуть-чуть начала болеть. Но еще раньше Инесс сказала, что они с тем парнем женятся и уезжают в Висконсин – до сих пор не понимаю, дался им тот Висконсин? Дайна после этого отказалась оплачивать ей учебу, но Инесс это, кажется, не огорчило. Ее муж неплохо зарабатывал, из комнаты в Бей Ридж она давно съехала. Второй диплом, вроде, даже защитила, и без проблем, вроде. Дайна – пока они не уехали еще в свой Висконсин – просила дочь оформить продление гринкарты, и та, по-видимому, согласилась, они уже не шли к адвокату, Дайна собрала все документы, Инесс сказала, что все можно сделать по интернету, это будет дешевле, адвокат стоит больше тысячи. Дайна ничего в этом не понимала, но сама видела, как Инесс заполняет анкету матери и просит заменить ей гринкарту на пятилетнюю, она лично видела, как Инесс отправляет эту анкету, и видела надпись Successful, появившуюся на экране после отправки. Инесс сказала, что теперь ей нужно дождаться письма, оно придет в почтовый ящик Дайны, в письме будет дата аудиенции в иммигрейшн, они должны будут обе туда явиться, ее предупредят заранее об этой дате, волноваться не надо, время будет, и Дайна сможет позвонить Инесс, а Инесс приедет из Висконсина и поможет маме получить гринкарту.

– И она... не помогла? – спросила Елена.

Гарри долго молчал, было видно, что он думает, как ответить, разговаривает сам с собой и даже пожимает плечами на какие-то свои внутренние версии.

– Так нельзя сказать... Просто это письмо, которое она должна была получить... Она его не получила.

Письмо, впрочем, скорее всего было отправлено, и почтальон донес его до почтового ящика Дайны. Почему ж нет-то? Донес, и даже бросил внутрь. Вероятнее всего, это случилось, когда Дайна отчаливала убирать огромный особняк на Стейтен Айленде, туда долго ехать, большой домище, уборки дня на три не отрываясь, это были старые, прикормленные клиенты, они нормально платили и давали ночевать во время длительного уборочного забега. У хозяев был большой телевизор, и она посмотрела этот телевизор. Это было осенью, в самом конце того... запомнившегося всем октября. Когда она приехала на уборку, было пасмурно, думала – распогодится на следующий день. Но на следующий день все стало иначе. По телевизору она увидела свой дом, дом, в котором она снимала бейсмент. И поняла, что вернуться туда не сможет. Бейсмент был затоплен, она сказала потом, что рассмотрела даже кое-какие плавающие в реках дерьма собственные вещи. Другие дома, поменьше, и вовсе поносило, их части плавали в море вместе с мешками мусора и телами животных. Люди тоже погибли, много. Все это называли тогда женским прекрасным именем, нежным, словно звон китайского колокольчика. Пострадавшим оказывали посильную помощь, но первых было больше, чем второй. Транспорт не ходил, в городе было объявлено чрезвычайное положение. Хозяева предложили ей остаться у них на несколько дней. По крайней мере, пока не начнет ходить транспорт и не появится

электричество. Хозяйский особняк был далеко от прибрежной зоны, им, можно сказать, не досталось.

Она пробыла там какое-то время, ее кормили, она помогала им убираться. По телевизору показывали нечто невообразимое, Дайна думала, что она спит и это ее кошмар. Люди в прибрежной зоне острова, на котором оказалась Дайна, остались без домов, на их полуразрушенных заборах висели их же машины, которые подняло наводнением и забыло опустить. Их яхты – у кого они были – повывносило на берег. Вода оставила за собой обломки досок, ржавых железок, поваленные деревья и снесенные крыши, запчасти автомобилей. У Дайны с собой была та одежда, в которой она приехала, ее фартук и закладки: моющие средства и перчатки она так далеко не брала, у хозяев таких домов есть свои. Также у нее была сумочка. В сумочке был кошелек и зубная щетка, документы она привыкла с собой не брать, у нее никогда их никто не спрашивал. Логичнее оставить их дома, в ящике стола или в боксе для бумаг. Даже если бейсмент не дай боже обворуют, российский паспорт ведь не возьмут? Зачем им сильно пропущенный российский паспорт?

Она попала в какой-то момент домой, то есть... ну... в то место. И я этого не застал, – Гарри тяжело вздохнул, – я перед этим долго ее не видел, и после этого тоже долго, в сумме года два-три. Твоя мама тогда...

– Я поняла, – остановила его Елена. Ее мама тогда проходила первую серию химиотерапии, за которой шла вторая, потом что-то еще, а потом много всего.

– Рита тогда очень помогала, она баба-то хорошая.

– Я знаю, пап.

– А Дайну я встретил, может, плюс еще полгодика спустя. Я помнил, что полгода еще не прошли, но должны пройти. Вот что у меня было в голове. Я ходил и знал, что всего полгода назад у меня была жена. И эти полгода что-то значат как цифра. И вот тогда я встретил ее, снова тут. Я сидел курил на вон той лавочке, и она подошла ко мне. И я увидел, что она хромила.

Елена приподняла бровь. В темноте этого видно не было, но Гарри как-то почувствовал, что она ее приподняла.

– Она нашла в Бруклине волонтеров, занимавшихся пострадавшими от урагана, и они помогали ей первое время. Поселили в общежитии какой-то, дали фонарик, батарейки, непортящейся еды. Дайна никогда не пила, не курила, не ела мяса, везде любила идеальный порядок, я уже говорил? Нет? Seriously не говорил? Это первое, что я должен был сказать. А общежитие – место такое, знаешь... мы там никогда не были. Это счастье большое, дочь, никогда не побывать в таком месте. Она говорит, что вышла в туалет. И столкнулась в коридоре с Берни, с парнем из соседней комнаты. У него было плохое зрение, он носил очки и пистолет. Они были шапочно знакомы, да и не только с Дайной, его вообще по городу люди видели в разных... эээ... ипостасях, – нашел слово Гарри, – а Дайна, еще в том бейсменте приснопамятном живя, прекрасно знала, что он банкетует крэком. Просто она слышала как-то его разговор по телефону, он шел по Брайтону, говорил в трубу и думал, что его никто не слышит. Дайна же почти бесшумно ходила, пока все это не случилось. И то ли он тогда в коридоре был под крэком, то ли без очков, то ли просто настроение было плохое, но она сказала ему «Хай, Берни, хау а ю дуинг?» – и он выстрелил ей в ногу. Никто ничего не видел. Коридор был пуст. Выстрел, допустим, слышали, но чей это был выстрел, подтвердить не могли. Берни исчез куда-то, полицию никто не вызвал – Дайне да, вызвали 911 и отвезли ее в госпиталь, а Берни полицию никто вызывать не стал. И вот, когда она рассказывала все это мне – худая была до невозможности. Говорит, начала сбрасывать вес незадолго до урагана, и какая-то усталая стала. Раньше никогда не уставала, а теперь как-то иногда... прихожу, говорит, с работы, раньше ела и шла гулять, а теперь есть не хочу, гулять не хочу, ничего не хочу. Хочу лежать. Я спросил ее, обращалась ли она к врачу, в Кони Айленд госпитале есть врачи для людей без иммиграционного статуса. Двадцать долларов это стоит. Она расхохоталась, неприятно так, раньше она смеялась весело, сейчас было не

то пальто, и сказала, что в Кони Айленд госпитале как раз недавно была. Ей вынимали пулю из бедра. Перед этим она пролежала там примерно сутки в палате предварительного заключения... она так назвала emergency room. Ночью привезли, почти весь день пролежала, и только потом заметили, очередь была большая. Знаешь, кого она потом попросила забрать свои вещи из общаги? Риту! Там вещей почти и не было, она ими особо не обрасала. Так, кое-что по мелочи. Пуля, кстати, не попала в кость, застряла в мышце. Ее вынули, зашили, но, сказали, как раньше уже не будет. На правую ногу она хромала тогда.

Волонтеры в этот раз не очень активничали, она им глаз замылила. Раздеваться, чтобы показать ранение, не хотела – унизительно, а что ногу прострелили – никто не верил. Говорили – напилась и упала, сломала ногу, весьма распространенный случай среди публики, которой мы помогаем. «Помогаете??? Ну так помогите!» – говорит, что была на грани, наорала на них и... нашли ей студию, опять же в бейсменте, за 500. И повезло ей, потому что это был бейсмент того дома, где жила Рита. Совершенно случайно. Может, им Рита подсказала, не знаю.

– За 500 тогда можно было что-то снять?

– Это не была студия в полном смысле, она просто так называлась.

Это была маленькая комната без всего. Без туалета, с одним краном с холодной водой, не отремонтированная после урагана, с черной плесенью. И там было окно. Часть его была под землей, часть – над. На наземной части сделали hopper window, вроде форточки. И можно было видеть свет в солнечную погоду. Был диван с клопами. Это все, что было из мебели. Она говорила мне тогда – я сделаю все, чтобы не оказаться на улице. Я не смогу. Выжить. На улице. Она заняла 500 долларов у Риты и стала собирать бутылки и банки, чтобы отдавать по копейке. Стала искать уборки, хотя убирать как раньше не было сил, кажется, она тогда немного даже воспряла, хотя выглядела уже неважно. Она была худая, совсем худая, глаза стали больше раза в три, огромные, черные. Волосы обрезала, говорит, стали выпадать. Поседела. Но не очень. Все равно ей шло. Уборки ей кто-то по чуть-чуть давал, так и брала по чуть-чуть, особняки ей более не по зубам были. Но силы – она сама сказала – силы вот тогда стали появляться постепенно. Рита иногда ее пускала помыться. И, кстати, именно тогда она меня спросила, и я был удивлен, во-первых, тем, что это спросила Рита, а во-вторых, тем, что мне самому это в голову не пришло. Рита сказала: Игорь, ты же один. А она нормальная. Она чистюля и не воровка. И я просто поразился тогда, это же на поверхности лежало, Ритка, говорю, какой же ты молоток-то, а? Но ты-то, ты, разве не возненавидишь меня после этого? Рита плечами пожала и говорит «какого лешего я тебя буду ненавидеть, я знаю, что при Гале ты с ней не спал». Откуда, спрашиваю, знаешь. Даже как-то обидно стало. Свечку держала? «Знаю, знаю», – и хихикнула. Я все, говорит, знаю.

И я пошел домой думать. Думал не очень долго. Если там (он поднял вверх свой тощий указательный палец) что-то есть, то Галя в курсе, что я ей не изменял. Я ее любил. Дайна была, как воздух, как черный... снег. Как белый, но черный снег. Как новая пластинка, но не сама пластинка, а когда ты ставишь сверху иглу. Стройная, сильная. Радостная. Не пила, не курила. И она хороший же человек, я же знал. Позвонил Ритке, спросил, как ее найти, Дайну. Она говорит – в моем подъезде живет, как заходишь – там слева лифт, а ты иди направо и вниз, в подвал. «Я, говорит, все время на балконе чай пью. Вижу ее форточку и наш вход. Она когда из дому выходит, перед этим форточку рукой закрывает, а потом выходит из подъезда, прихрамывает, как кошка с лапкой подбитой. Сумку себе купила на банки-бутылки, боксы разные, перчатки резиновые, набор губок. Тележку где-то подобрала железную. Ходит убирать по домам. Я еду ей предлагала, я всегда на фудстемпы много набираю, у меня все время лишняя еда есть. Она говорит – спасибо, мне что-то не очень хочется. Квотеры предлагала, на стирку. Иногда брала, благодарила. Но редко. Что там у нее стирать-то. Нет же почти ничего, стирать. А тот билл я посоветовала ей порвать и выбросить...» – «Какой билл?» – «Ну тот, за госпиталь, за пулю. На тринадцать тысяч долларов».

Я пошел узнать, как она. Стучал. Она открыла. Там, конечно, ужас. «Я – профессиональная уборщица, знаю, как убрать где угодно и что угодно, но Игорь, здесь же невозможно убрать», – она стала почему-то называть меня Игорь. Диван и правда с клопами, хотя заметно, что поутихли, Дайна их неслабо травила. Я говорю – пошли найдем латиносов, я им дам двадцать баксов, они его на помойку вынесут. А потом мой диван из ливингрум к тебе перевезем, он нормальный точно, я проверял. Ей понравилась идея. Она говорит: в минуты отчаяния я его хотела топором порубить, но у меня не было топора. Она отчего-то не хотела реализовывать эту идею прям вот сейчас. Говорит: пойдем лучше к морю, я там больше люблю сидеть, чем здесь.

И мы пошли к морю, она просит – давай на песке посидим. Я говорю – я, между прочим, пожилой человек, мне как-то странно голой задницей сидеть на песке. Она говорит: ну почему голой, ты же в брюках. Сели на песок. Я чаю купил зеленого в grosери. Сидим на песке, пьем чай. Я говорю ей: Дайна, я что хочу сказать. Уже полгода я вдовец. И я до сих пор люблю свою жену. Но физически у меня ее нет. И юридически тоже нет. Я старше тебя namного, я понимаю. У нас вряд ли что-то получится как у мужчины с женщиной. Но ты не чужой человек. Это очень важно, чтоб человек, с которым живешь, не был совсем чужим. Она слушала и в этом месте вдруг зашептала зло: «я это понимаю лучше тебя, Игорь». И я говорю – может, нам есть смысл пожениться? Кольца нет, но я не покупал просто. Идея есть, кольца пока нет. У меня зато есть квартира. Пенсия.

На слове «пенсия» она расхохоталась и говорит: Игорь, как, как мы можем пожениться, если у меня нет паспорта? Если у меня вообще нет ни одного документа? Ну я сначала говорю – Дайна, это уже второй вопрос, для начала переезжай ко мне, у меня есть душ, микроволновка, ландри в бейсменте, плита, кровать запасная, диван, кстати: меньше проблем с утилизацией того, клопиного.

Она посмотрела на меня внимательно и сказала: спасибо. Спасибо за это предложение. Я обещаю его обдумать. И улыбнулась. Я спросил – неужели тебе не хочется уйти оттуда прямо сейчас? Она сказала – ничего страшного в том, чтоб побыть там еще немного. В конце концов, я не на улице. Я не бездомная. У меня есть квартира. И даже работа. Но я ценю твою заботу и правда подумаю. Неделя тебя устроит? Через неделю я все скажу.

Я удивился, но не стал комментировать. Может быть, думал, у нее кто-то есть уже? И когда я это про себя проговаривал, что может, у нее есть кто-то, я вспомнил, что спросить-то еще хотел! И спросил: Дайна, а где Инесс?

Она вздохнула и спокойно так, грустно на меня посмотрела и говорит:

– Она пропала.

– В смысле? Что значит, пропала?

– Она пропала давно. Я пыталась найти ее после урагана. Когда начала жить в общежитии. Я хотела узнать, что делать с гринкартой. Она все-таки обещала. Но пропала.

– А ты пробовала звонить ей?

– Разумеется. Как бы я тогда узнала о том, что она пропала.

– Что, ее муж сказал тебе, что она пропала?

– Нет. Он мне другое сказал.

– Что?

– Что Инесс действительно здесь живет и она в порядке. Но лично он просит меня никогда больше не звонить ей. И добавил, что мне было бы проще считать, что она пропала. Разумный подход, готова согласиться.

– Хочешь, я им позвоню? Прямо сейчас? Мобильный с собой.

– Позвони. Там будет автоответчик. Думаешь, это был мой последний звонок ей? Звони, не стесняйся.

И тогда мы разработали план. Я позвонил в консульство Российской Федерации и спросил, что делать россиянке, моей знакомой, в результате несчастного случая потерявшей все

документы. Дозванивался долго, но в итоге трубку взяла живая девушка. Она сказала, «есть два пути восстановления документов, один – для случая, когда человек хочет вернуться на родину, и второй – если не хочет. В первом случае нужно привести с собой двух человек, которые смогут подтвердить его личность, после чего в течение двух дней выдается разрешение на возвращение. Восстанавливать документы он будет уже на родине. Во втором случае делается запрос в УМФС РФ по месту прописки человека в год его отбытия за границу. Для этого надо принести в консульство все документы, которые у человека остались: свидетельства о браке, разводе, удостоверения, все, что с именем. Также ему потребуется оформить заявку на переоформление загранпаспорта. В России станут проверять, был ли человек прописан по тому адресу, который указал в консульстве, также в архивах и госучреждениях пройдет проверка соответствия имени человека с теми документами, которые он предъявил. Стоимость проверки и переоформления загранпаспорта составляет сто семнадцать долларов. Обычно она занимает чуть более трех месяцев, но бывают случаи, когда восстанавливать загранпаспорт приходится по полтора года. Все зависит от совокупности обстоятельств».

Вообще, под конец этого монолога мне и самому стало не по себе, но я решил передать. Я сказал ей: «Дайна, я узнал, нужно то-то и то-то». Я ждал, что она обрадуется, или разозлится, или истерически захохочет. Но она надолго замолчала. Мы тогда снова встретились, сели напротив «Москвы», я закурил... Кстати, дай сигарету. Спасибо. И вот, она молчала-молчала, думала о чем-то, вращала глазами своими огромными, которые одни лишь на лице у нее уже и были, и вдруг сказала:

– Я помню свой адрес в Риге. Анниньмуйжас, дом 27, квартира 53. Этот адрес я помню хорошо. А адрес в Твери – не помню. Я пытаюсь как-то ассоциативно выйти на него, пытаюсь вспомнить, как выглядели мои квитанции за квартиру... куда я шла с работы... и ничего не помню... я помню, что моего второго мужа звали Вадик. И что он пил. Это все ушло куда-то, будто бы я спала, видела сон, долгий, проснулась и пытаюсь вспомнить детали, а они утекают из рук песком.

– Если хочешь, – сказал я тогда, – мы с Ритой подтвердим твою личность здесь. И ты уедешь домой.

– Домой? И что?

– Ну не знаю. А как еще? Ну можно еще ко мне. Мы что-то придумаем. Я подниму хай, скажу, что они лишают пенсионера права устроить личную жизнь. Поднимем архивы иммигрантских. Посмотрим, что у тебя с гринкартой. И ты хоть с завтрашнего дня, с сегодняшнего, можешь у меня жить. Это точно лучше, чем в твоей конуре, или в общежитии, или в шелтере.

И вот про шелтер я... зря сказал. Она фыркнула, замолчала, потом говорит:

– Если ты говоришь о шелтере, то считаешь меня бездомной? Так понимать?

Я говорю, «прости, извини, ерунду смолол, да и вообще, при чем тут бездомная, я вообще не ставил цели тебя обидеть».

– Это мой дом, там, внизу, – говорит она, – какой бы ни был, все равно мой, пока рент плачу. И я все время форточку закрываю, когда ухожу. Знаешь, зачем? Воровать там, конечно, нечего. Просто, если будет потоп, и форточка будет наглухо задраена, есть шанс, что затопит не все.

Мы еще немного посидели, я покурив. И она говорит: «Я все думаю, может, он ее обижает? Не разрешает общаться с матерью? Может, он ее запер? Может, она к телефону не может подойти?»

– Я не знаю.

– Игорь, знаешь, сколько мне лет?

– А есть разница?

– Шестьдесят два. Скоро пенсионный возраст. Но пенсии у меня не будет. Буду работать, убирать. Вон Рене, в соседнем доме живет. Ей восемьдесят три, и тоже без документов. Но она

бойкая старушенция, она, такое ощущение, лет десять точно протянет, хотя... кто знает. Я не знаю. И Рита не знает. И ты не знаешь.

И мы опять посидели, я покурил, она встала, подошла к ограде, пересела на нее, чтоб смотреть на меня в упор. Улыбнулась. Раз, другой. И говорит:

– Интересно, как хоронят таких, как я?

Я не знал. Мне нечего сказать было. Оставалось три дня до ее решения. Я считал.

Она сползла с ограды и похромала в сторону дома. Прошла метра три, обернулась, говорит: «Увидимся». И пошла дальше.

И не стало ее.

– То-о есть? – спросила Лена.

– Ну, Рита говорит, что видела, как она в тот вечер зашла к себе. Открыла форточку. Рита спать пошла. Приходит утром – форточка опять открыта. И открыта, и открыта все время, что-то Дайна ни гулять, ни на уборку не идет. Весь день сидела, смотрела – форточку никто не закрыл. На второй день как-то нехорошо ей стало от этой форточки. Она снова была открыта. Рита вниз спустилась, стучит – никто не открывает. Раз, второй, третий стучит – мало того, что никто не открывает, так там, внутри, еще и тишина мертвая. Пошла звонить в полицию. В полиции спрашивают, в чем дело, она говорит – знаю женщину одну, она вошла к себе в дом и уже вторые сутки не выходит. Вы что, спрашивают, следите за ней? Нет, просто я знаю точно, если форточка открыта – то она дома, и ее знаю хорошо, она дома сидеть не любит, она гулять любит, и работа у нее есть, но она перестала выходить, и это очень... на нее не похоже. В полиции говорят – рано еще делать выводы, человек имеет право не выходить из дому сколько хочет, у нас свободная страна. Рита говорит – я думаю, с ней что-то случилось. Ситуация эта, говорит, дурно пахнет. В полиции говорят «запах к делу не пришьешь», или как это по-английски. Сказали – подождите еще немного, если неделю выходить не будет – приедем. Прошло еще два дня. Рита все сидела, высматривала. И к вечеру, на третий день как мы с ней тогда попрощались, Рита тоже сидит пьет чай свой, смотрит вниз, и видит – из форточки вылетела черная птица. Огромная, как орел. Так и сказала. Вылетела и улетела к морю. Я переспросил – точно, как орел? Оказалось, что она орлов никогда не видела, говорит – просто черная, и очень, говорит, очень крупная. «Я выпила корвалол и снова звоню в полицию. Рассказываю – из форточки этой женщины вылетела хищная птица, сама женщина на стук не отвечает, двери не открывает, из дому не выходит уже три дня». Вы точно видели птицу, вам не показалось? – спрашивают. Вдруг это попугай, в темноте не видно, вдруг это домашняя птица. А что не выходит – так у человека есть прайваси. Рита уговорила, упросила их только через три дня еще, совсем от беспокойства с ума сошла, звонила им как заведенная. Телефон-корвалол, телефон-корвалол. А я в это время в одну точку истуканом смотрел, не мог ничего. Приехали наконец копы, взломали дверь. Там никого не было. Совсем никого. Стоял диван с клопами. Сумка ее была, тележка, боксы, наборы губок. Плесень на стенах. И все. Полиция хотела Риту за ложный вызов оштрафовать, но как-то они договорились.

А потом она ко мне прилетела. Села на балконе и сидит. Я покурить вышел и испугался, стал топтать на нее, отгонять. А она не улетаёт. Сидит и смотрит глазами своими черными. И лапка правая какая-то не такая. Она ее и так и эдак прилаживает, не всегда получается. Кривоватая лапка.

Она мне не делала ничего, не нападала, не клевала меня, спокойно себя вела. Сидела просто. Дал ей хлебушка. Покушала. Дал воды в чашке. Посидела со мной еще немного, пока я курил, потом расправила крылья и... Видел ее спустя время, здесь уже, на бордвоке. Летала сюда, ходила, в людских скоплениях не участвовала. После первого моего госпиталя мы с тобой не гуляли здесь, холодно было. И я ее не видел. И не знал, где она. Может, в теплые края улетела, думал. Я бы на ее месте улетел. Но она появилась потом опять, я спросил ее – хочешь хлеба куплю? Она клювом щелкает. Я пошел, купил батон, она на том же месте сидит, от людей

подальше. Чуть что, сразу в воздух поднимается. Нас Майкл видел, тот, что хотдогами там, в конце торгует. Увидел нас и сказал: «Знаю этих хищников, триста лет живут, в книжке читал. И откуда, говорит, взялась здесь. Климат неподходящий».

Было уже совсем темно.

– Пойдем домой, пап. Тебе спать пора.

– Ну поехали. Давай, снимай меня с тормоза.

В темноте не видно было, где снимать-то. Лена вытащила из сумки телефон и зажгла в нем фонарик. Тот, в свою очередь, осветил коляску, сидящего в ней Гарри, края обеих лавочек. На лавочке справа от Гарри никого не было, будто не было никогда.

Утром Лена проснулась раньше отца, взяла телефон, вышла в кухню и стала звонить Аркадию. Он просил сообщать, если у Гарри начнутся странности. Но в самом телефоне номера клиники не было, и пришлось разыскивать в сумке визитку. Лена положила визитку перед собой и стала набирать цифры. На девятой цифре раздался стук, негромкий, но ощутимый. Стучали в стекло. Обернувшись к окну, Лена увидела голубя, примостившегося на подоконнике. Он внимательно смотрел на Лену, а Лена – на него. И то ли ей показалось, то ли на самом деле голубь отрицательно помотал головой. Не очень сильно. Слегка. Она уставилась на него, чтобы убедиться наконец, что ей показалось, как делала это неоднократно, но тут ее мобильный зазвонил на вход, а на экране высветилось, что это Вовка.

– Ну что, справляетесь? Ночевали нормально?

– В целом да.

– Заехать?

– Если можешь. Вообще терпимо, но надо продуктов пойти купить и... в аптеку вчера не заскочили лекарства забрать – сегодня нужно, и все это лучше сделать в один прием и без коляски. Посиди с ним, а я схожу.

Проснулся Гарри. Почти тут же в дверь позвонил Володя, клятвенно, к ужасу Гарри, пообещав не давать ему сигарет, поставил чайник и включил радио. Лена переоделась и вышла на улицу. Сходить в магазин «Ташкент» она решила через бордвок. Там почти не было людей, однако вскоре таковые должны были появиться – день был солнечный, дождя не ожидалось, кафешки уже работали. Лена купила кофе, села на лавочку и закурила, глядя куда-то в море. По берегу, важно шлепая ластами, ходил Олег, оставшийся три года назад в горящем доме с переломанными руками, рядом с ним на наличие чего-то съестного кучку мусора проверяла Ясмин, брошенная беременной возле героинового притона, на ограде, прочно обхватив ее мощными, когтистыми ногами, стоял Ахмед, прижатый в Гарлеме за долги, а возле лавочки, совсем неподалеку от Лены, бродил Йонатан, что-там начудивший с акциями на Уолл Стрит, он и сам не помнит. У Йонатана был вчерашний хотдог и застрявший между досками под углом в 45 градусов пластиковый стакан с минералкой.

Кобра

«Эта история могла бы стать героической, но не стала, по ее мотивам в далеком будущем написали бы батальное полотно, но, кажется, не напишут. Это история о том, как неудачник и зануда Вячеслав, со смешной и для кого-то жалкой фамилией Зюлькин, сумел развалить веками складывавшуюся и вот, в итоге, сложившуюся в нечто монструозное и непобедимое – американскую судебную-бюрократическую систему» – так можно было бы начать, скажем, лекцию для студентов будущего по истории США начала XXI века. В ходе изложения студенты наверняка оспаривали бы слова лектора, говоря, что и система-то была не совсем судебная-бюрократическая, точнее, не только и не столько таковая. И Зюлькин ее разваливал не один. История эта складывалась из массы людей – плохих и хороших, умных и неумных, людей, искренне болеющих за судьбу Зюлькина, которому присудили выплатить 11 миллионов по обвинению в диффамации и намеренном нанесении морального вреда чужому бизнесу, – и людей, инициировавших этот процесс, чтобы чисто припугнуть Зюлькина, ибо откуда у него 11 миллионов? Откуда у безработного из Квинса такие бабки? Припугнуть полагалось затем, что Зюлькин – этот комок грязи, эта иммигрантская шелупонь – посмел, сука, качать права. Более того, раскачал их настолько, что это могло серьезно повредить репутации фирмы.

Строилась фирма долго. Деньги, на которые она строилась, и их источник терялись в мутных 70-х. Руководила фирмой шикарная зрелая, но стройная блондинка Кларисса Гольцман, вдова уголовного адвоката Альберта Гольцмана. То есть собственный бизнес Клариссы, в девичестве Шульга, а если говорить честно, то и не Кларисса, а Клара Шульга, родом откуда-то из-под Могилева, вполне могла начать и на деньги мужа.

Бизнес как таковой представлял собой агентство по трудоустройству – по крайней мере это была часть бизнеса, общественности известная. Кого и как там трудоустраивали, мы еще поговорим, пока что Зюлькин ждет своего часа, именно он тут главный. Ждет, трясется, аки градом побитый, промокший щенок дворняги.

Итак, герой Вячеслав – человек совершенно, как говорили раньше, никакой, по слогам повторяя для убедительности «ни-ка-кой!», почти неприятный, если же проводить с ним много времени – точно неприятный. В чем же состояла его неприятность? Как и обаяние, в чем-то неуловимом. Как такой большой, физически крупный человек, красивый, яркий самец, мог выглядеть таким жалким? В первые секунды Зюлькин казался мужчиной-памятником, он был огромен, представительен, носил неплохие костюмы (где он их брал, кстати, и на какие деньги?). Как только этот высокий и физически сильный персонаж открывал рот, он сдувался на глазах. За доли секунды. То есть он становился сдувшимся как-то вдруг, сложно было отследить процесс.

За что Кларисса требовала у Зюлькина 11 миллионов и легитимным ли было требование то? За то, что Зюлькину не понравилось, как с ним обошлись в агентстве Клариссы. За то, что он посмел этого не полюбить. Не одобрить посмел.

К Клариссе шел нескончаемый поток, чернильная масса, «поле благотворительной деятельности», как сама она называла своих клиентов. Тысячи и тысячи двадцатилетних, сорокалетних, с плохим английским, вообще без английского, из Средней Азии, из России, с Украины, из Мексики и Уругвая, с документами и без документов, хотели получить какую-нибудь работу. Они шли нянчить детей, мыть полы, крутить баранку, сидеть на телефонах, в прием-

ных, в медицинских офисах и колл-центрах, согнувшись стоять на стройках, за прилавками магазинов, таскать ящики в продуктовых лавочках Брайтона, ухаживать за стариками с деменцией и альцгеймером. Им нужно было выживать. А у Клариссы была репутация, потому что было много рекламы, и в самой главной газете «Русская реклама» реклама тоже была, а это уже кое-что, и они готовы были ехать в Манхэттен, тем более что это ведь интересно – съездить в Манхэттен, посмотреть на настоящий Нью-Йорк.

В Манхэттене они находили здание, указанное в рекламе, поднимались в лифте на 14й этаж и робко стучали в белую пластиковую дверь. Их приглашали зайти, присесть, подождать. Затем их принимала Кларисса, вежливая, в белом костюме. Иногда во время приема она присаживалась на стол, и вездливый, внимательный клиент, коих было, прямо скажем, мало, видел, как ее запакованная в белый хлопок задница сплющивала чью-нибудь свежезаполненную анкету, где были традиционные вопросы – фамилия, имя, номер социального страхования. Последнее – номер – часто было камнем преткновения, его отсутствие означало нелегальный статус и невозможность официального трудоустройства как такового.

– Ничего страшного, – улыбаясь, говорила Кларисса, – мы вас так устроим. Без документов.

– Но это же незаконно?

– Полстраны работает незаконно, деточка. Почти все так работают. Так почему ж не вы, Айгуль? Вы умная красивая девушка, к тому же, как вы говорите, ладите с детьми... – лезть была неотъемлемой частью бизнеса Клариссы Гольцман. Лстить приходилось всем: клиентам, юристам, политикам, шестеркам политиков, соединявшим ее с политиками.

Мы. Делаем. Добро. Говорила она. Мы. Приносим. Им. Счастье. Мы. Даем. Им. Работу. Без нас. Они сдохли бы. На помойке. Остались бы без денег, жилья, пошли воровать, убивать, проституировать и были бы депортированы.

Что же произошло конкретно с Зюлькиным, чего они там не поделили? Зюлькин, как можно догадаться, искал работу. Он умел водить, у него были права и машина. В России он занимался бизнесом, но в 90-х уехал. В США тоже пытался заниматься бизнесом, но бизнес прогорел. У Зюлькина на лбу было написано, что бизнес он вести не умеет, он был похож на огромного абрикосового лабрадора, перманентно виляющего хвостом и готового облизать любого подошедшего на дюйм ближе, о каком бизнесе вообще могла идти речь. По крайней мере, именно такое впечатление он произвел на Катю-внештатницу, когда та, не выспавшись и с бодуна, явилась в Верховный суд. Непосредственно при входе в зал суда она обнаружила, что у Зюлькина расстегнута ширинка, и пришлось, пришлось сказать ему об этом, как ни противоречило сие понятиям о воспитанности. «Слава, простите, что говорю вам это, но если я не скажу – никто не скажет». У человека и так ситуация хуже некуда, бог знает как именно ширинка повлияла бы на решение судьи. Мир хрупок.

Перед заседанием они, конечно, разговаривали по телефону долго и даже не единожды. По словам Зюлькина, он пришел в контору Клары, чтобы та нашла ему работу. Самостоятельно искать ее нервов не было уже никаких. Зюлькин был гражданином США, с документами у него все было в порядке, однако английского он в упор не знал, не смог выучить за 25 лет. По условиям договора, Клара должна была найти ему работу, и за это он был должен отдать ей

зарплату за 2 недели, при условии, что на найденной работе он проработает хотя бы недели три. Комиссия за посредничество составляла двести долларов.

Работать его отправили на Стейтен Айленд, в семью русских миллионеров. Персональным водителем супруги денежного мешка. Супруга женщиной была нервной и противоречивой. Часто давала взаимоисключающие команды. Неоднократно повышала голос. И уволила Зюлькина через 10 дней. Зюлькин говорит, что в момент увольнения она была пьяна, но это непроверяемые данные.

Он хотел получить от Клары двести долларов, заплаченные ей за посредничество, – это точно, это по условиям договора – и что-то также подсказывало ему, что уже отданную зарплату за две отработанные недели он мог бы получить тоже. Но историю с двухнедельной зарплатой надо было разбирать по полочкам, а две сотни были указаны в договоре как гарантийные. Зюлькину не важна была сумма, ему был важен принцип. Но денег он не получил, а поговорить с Klarой после тех событий ему удалось лишь единожды. В агентстве перестали брать трубку, предварительно донеся до Зюлькина, что если он посмеет прийти лично – вызовут охрану здания, а если надо, то и полицию.

Весь мир, все вокруг орали ему в ухо «плюнь, не стоит оно того, ну хочешь, я отдам тебе эти двести баксов?!». Но плюнуть и тем более взять деньги Зюлькин отказывался. Он не брал денег у людей просто так. У него были принципы.

Также он не пошел в суд, ибо не знал английского. Он пошел в фейсбук и написал все по-русски. Сначала у себя, затем в сообществах. Записью активно делились, как оспаривая ее содержание, так и подтверждая его. Мнений было множество: кто-то считал, что поднимать бучу из-за двухсот долларов мелочно и как-то по-плебейски, кто-то делился опытом сотрудничества с миссис Гольцман, каковой опыт был, кстати, позитивным. Кто-то верещал, что облить дерьмом пытаются достойную женщину, которая его – лично его, верещащего, в самом начале иммиграции устроила на работу. Кто-то писал, что оба в этой истории – персонажи мутные, хрен разберешь.

Клара оказалась дамой оперативной и бизнесменом жестким. Она не стала ждать или делать вид, что ее это не касается. Наехала на Зюлькина после первого же перепоста, почти проигнорировав второй, третий, десятый и сотый. Она не стала ничего писать в соцсетях, она ничего в них не понимала и аккаунта в фейсбуке у нее не было, она продвигалась через русские газеты и телевидение. О том, что гарнир взбунтовался, ей сообщил сын. В образование кровинки Клара вложила кучу денег, она любила сына безумно и делала для него все, каковое все делал для него при жизни и отец, покойный адвокат Гольцман, известный тем, что ему удалось отмазать от срока персонажа, изнасиловавшего собственную мать, история в начале 80-х была в Нью-Йорке нашумевшая. Он научил сына всему, что умел сам. Еще не поступив в ло скул, Генри Гольцман уже знал все тонкости адвокатской профессии, умел вникать во все юридические детали, юный Генри был асом своего дела, его будущее было нарисовано черной гелевой ручкой на белом глянцевом листе с печатью. Как только он прошел комиссию Ассоциации и получил лицензию юриста, мама тут же взяла его адвокатом компании. Так они и жили, ели и пили, помогали людям, таким же, как когда-то они. Иммигрантам. Которым была нужна работа.

Генри сделал все чисто и аккуратно. Иск о диффамации был направлен в Верховный суд, второе заседание которого должно было состояться в апреле, первое перенесли.

Зюлькин не знал о деятельности местных судов почти ничего. Он думал, что его посадят в грязную долговую яму, он видел это почти буквально, щупал руками грязь в этой жидкой яме, стоял в дерьме по колено. Он вибрировал на первом заседании, не произнося ни слова, хотя у него был переводчик. Тот же переводчик пришел и на второе, апрельское заседание. Это была тоненькая старушка из второй волны, она всегда говорила вежливо и тихо, почти шепотом, ее сложно было вообще расслышать, но она была согласна работать бесплатно, как волонтер, просто чтобы помочь этому представительному мужчине. Она сказала ему тогда, что, похоже, дело затянется надолго, ибо мало нужно для переноса рассмотрения дела, меньше, чем все мы думаем. Первое, сентябрьское заседание перенесли потому, что у Зюлькина не было адвоката. Его спросили – у вас есть адвокат? Он сказал – нет. Его спросили – вы хотите, чтоб вас защищали? Он сказал – да. Его спросили – вам нужно больше времени, чтобы найти адвоката? Тут старушка, та самая, переводчик с тихим и добрым лицом, сделала лицо страшное, рожу Бабы Яги, и тоталитарно промолвила, делая вид, что переводит ответчику с английского: “Слава, тебе нужно больше времени! Нужно!!!” И Слава неуверенно сказал «да». В итоге заседание перенесли на апрель.

Что делала внештатница Катя в том сентябре? Бухала у мамы в Магнитогорске с бывшими одноклассниками, она ездила проводить родителей. Как вообще до нее дотянулся Зюлькин? Отец Никодим дал Зюлькину ее ватсапп.

Здесь стоит объявить кофе-брейк и пояснить кое-что. Дело в том, что

в этой истории каждый делал немного не то, что привык. Не то, что планировал. Отступал по линии собственной партии на сантиметр. Фальшивил, одним словом. Врал себе. Или наоборот, впервые не врал. Дело Зюлькина, этот гигантский камень Сизифа, всякий раз, падая со скалы американского правосудия, откатывался вовсе не на прежнее место – его траектория сдвигалась на тот же судьбоносный сантиметр.

Старушенция-переводчик могла перевести ответчику вопрос судьи без комментариев, и он, Зюлькин, ответил бы то, что хотел ответить, – что на адвоката у него денег нет и не предвидится, а в про-боно юридические службы он звонить уже пытался, там говорят по-английски, он пробовал нажимать кнопку «4», как рекомендовал механический голос всем, кто хотел бы говорить по-русски, но русских там в итоге то ли не было, то ли все они были заняты, в общем, Зюлькин жал на кнопку «4» недели две, каждый день, с 7 утра до 5 вечера, и так ни с кем и не поговорил. Поэтому резюме: он потерял надежду, не видит света, выносите уже давайте свой вердикт, адвоката у него не будет, и единственное, на что он рассчитывает, – на свою налоговую декларацию, где сказано, что он нищесброд и 11 миллионов у него нет. Но старушка на секунду превратилась в Бабу Ягу, и заседание перенесли.

Примерно в это же время Зюлькину удалось выйти на отца Никодима. Вячеслав никогда особо религиозен не был, но ему кто-то посоветовал обратиться к Никодиму, даже если он оголтелый атеист. Просто не надо орать об этом Никодиму на ухо громко, все дела.

Батюшка в среде русской иммиграции славу имел довольно... противоречивую. Одни говорили, что он святой, другие – что ворюга и присвоил церковные деньги. Его даже некогда судили за последнее, но оправдали. Святым его называли за сеть приютов для русских бездомных, созданную группой Никодима, состоящей из волонтеров. Тут тоже была мутная история: с одной стороны, у бомжиков вроде появлялась крыша над головой, с другой – в приютах были жесткие условия жизни, на которые они жаловались. В частности, им там не давали бухать и

селили по двадцать человек в одной комнате. Двадцать принудительно трезвых бомжей – в одной комнате, метраж от 9 до 12 м. кв.

Но нас касается лишь та часть жизни Никодима, в которой он столкнулся с Зюлькиным. Непьющим, некурящим, в красивом костюме и снимающим (пока что) квартиру на Рокавей. Таких клиентов у Никодима раньше не было, он привык к бомжам, которые в принципе трезвы не бывают, и очень удивился. Выслушав историю Зюлькина, сказал, что именно в этом случае вряд ли чем-то может помочь, сказал это удивленно и растерянно... его епархия – выдирать бездомных алкоголиков из-под забора, отвозить их в рехабы и селить в приюте, поиск пробоно адвокатов – вообще не его, не Никодимов, профиль, и лично он на своего адвоката, отмазавшего его от обвинения в краже денег, собирал краудфандингом.

Идея краудфандинга на адвоката показалась Зюлькину злой шуткой. Он никогда не просил ни у кого денег, он был маленькая, но гордая птичка. Тем более вот так, публично побираться – да лучше отсидеть, чесслово. Он ничего не сказал Никодиму, но на данный метод обретения средств забил болт загодя. А батюшка вдруг возьми и перезвони, почти сразу после их разговора, минут через десять. И сказал, что вспомнил, вспомнил, кто этим может заняться! Есть же девочка такая, Катя, тоже, кстати сказать, безбожница, но пишет неплохо и работает для русских газет. Она писала о наших шелтерах. Поговорите с ней, может, она сможет чем-то помочь. Медиаподдержка, неуверенно добавил Никодим, еще никому ничего не портила...

«Еще как портила», – подумала Катя, когда Зюлькин пересказывал ей по ватсапу этот диалог. Но вслух ничего не сказала. У Зюлькина был неприятный умоляющий тон. Тон, при звуках которого люди определенной породы становятся зверьми. По этому тону они определяют особей, к коим уместно применить все правила социал-дарвинизма. Кате было неприятно слышать все это, находясь у родителей, она не хотела с этим связываться и вообще тогда находилась на грани принятия решения послать подальше все эти чертовы газеты. Там мало, унижительно мало платили, путь неудачника надо было прекращать, заканчивать курсы и идти кем угодно – бухгалтером, буккипером, паралигалом, влезать в кредит и покупать кофешоп, маленький, ржавый кофешоп, даже такая была идея («идиотизм, конечно», – думала Катя).

Злостной привычкой Зюлькина также было по часу просить прощения за потраченное абонентом время – тратя таким образом еще больше времени абонента. Извините меня, пожалуйста, если звоню не вовремя, или если поздно звоню, или если рано, простите, если трачу много вашего времени, в следующий раз я постараюсь не тра... Люди, знающие Зюлькина не один день, не желали брать трубку на его звонки, все они хотели его послать, даже в этой мрачной ситуации все они все равно хотели его послать. Катя тоже хотела повесить трубку и заблокировать этот номер. Но вместо этого она, сама не понимая, как, почему и зачем говорит это совершенно незнакомому человеку, пролепетала что-то вроде того, что «она, если честно, больше не хотела бы заниматься публикациями в русской прессе вообще, это себя как-то очень плохо оправдывает, но она готова вернуться в Нью-Йорк через две недели и с ним связаться, поговорить, обсудить не по телефону, мало ли что можно... когда суд? В апреле? Вячеслав, вы только не нервничайте ради бога, до апреля еще вагон времени»...

И в апреле она пошла на этот суд. С блокнотиком, как полагается. Место нашлось на галерке – это было рядовое, проходное заседание, на него отводилось максимум пятнадцать минут, оно проходило в ряду других запланированных встреч по бизнес-спорам и все, все остальные бизнес-споры были точно важнее дела Зюлькина. Пришла та самая старушка Яга, добрая, тихая, в красном шерстяном брючном костюме, с белоснежной головой, увенчанной

мелкой гулькой. Они с Зюлькиным уселись в первом ряду, им полагалось это как ответчику и его ресурсу, там же, в первом ряду, мелькнула фигура предполагаемого адвоката истца, Генри Гольцмана, но Катя разглядела только фигуру, от лица ее отделяла толпа в костюмах с галстуками. Представители прессы могли сесть во втором ряду, но туда было не пробиться – уже в дверном проеме возникла дикая человеческая пробка, усеянная с разных сторон папками, стопками папок, а иногда и тележками, доверху наполненными папками. Катя пробралась на галерку, где ничего не было слышно, в расчете на то, что Зюлькин и баба Яга ей сразу же, как отойдут, все расскажут.

Прошли два дела. Каждое по десять минут. Финансовые воротилы Манхэттена судились друг с другом, Катя не вдавалась. Затем объявили слушание Гольцман против Зюлькина, она прислушалась, но услышала лишь набор глухих бу-бу-бу. Продолжалось это столько же, сколько времени пациенту вырывают зуб. Итогом заседания снова стал перенос его на сентябрь.

На выходе баба Яга сказала, что Зюлькин заявил о том, что не успел собрать документы и адвоката у него по-прежнему нет, и суд перенесли; Гольцман-младший якобы фыркнул. Затем они пошли в кафе неподалеку, где Зюлькин практически насильно влил в Катю кофе с пирожками. Ни о чем важном они не разговаривали, Зюлькин лишь просил – снова просил – инициировать публикацию. Он готов давать любые интервью и уже нашел других людей, также ставших жертвами агентства Гольцман, которые тоже, вроде бы, готовы дать интервью. Среди них была известная женщина, некто Белла Васина, редактор журнала для бухарских евреек, женского этнического журнала. У нее работали две уборщицы. Незадолго до того, как нашли свое пристанище у Беллы, девушки поочередно обратились в агентство Гольцман, и там с них содрали деньги и послали обходить адреса – но ни по одному из представленных адресов работы они не нашли. Кого-то из девчонок в итоге взяли на испытательный срок, но выгнали через неделю без зарплаты. Клара, разумеется, отказалась что-либо слушать.

Жанна Виниковецки покупать текст категорически отказалась. Вверенная ей газета «Русский Американец» не могла позволить себе роскоши связываться с Кларой Гольцман. Жанна честно и сразу сказала об этом Кате, добавив, что Гольцман – известное в своих кругах лицо, причем известное с четко определённой стороны. Этот каток раздавит кого угодно. О Зюлкине забудьте, он уже покойник. Он будет пожизненно выплачивать ей 11 миллионов. Он ничего не докажет. Об ушлости вдовы Гольцман ходят легенды. Сыночек отмазал маму от иска о фиктивных браках, которые та организовывала между соискателями: один из потенциальных супругов был с документами, второй, конечно, без, а то как же. Для разъяснения этой совы Жанна дала Кате телефон некоего Петра из «Москвы Златоглавой», так называлось его агентство. Если Катя хочет что-то узнать о Кларе, пусть позвонит Петру, он прекрасный человек, отличный специалист, у него хорошая профессиональная репутация, он все вам объяснит.

Петр и вправду оказался парнем разговорчивым. Он тоже трудоустраивал людей, и тоже разных. Он отлично знал Клару Гольцман, свою давнюю коллегу. Иск о фиктивных браках? О боже, мадемуазель, уберите от моей рожи этот нафталин. Кому-то показалось преступлением то, что Клара представила в собственном офисе друг другу двух людей, которые полюбили друг друга («Реально двух? Двух?!» – спросила сама себя Катя)? И лично он, говоря откровенно, совсем не сомневается в том, что если вы, Катя, дайте вам бог, найдете людей, которых, как и Зюлькина, Клара не устроила на работу, то Клара найдет такое же число людей, которых она устроила, либо те волшебным образом найдутся сами. И вообще, девушка, – сказал Петр, – не думайте, что мы тут с утра до вечера пьем кофе, издеваемся над людьми и нарушаем американские законы. У меня тоже есть клиенты. Их тоже надо удовлетворять. А угодить им часто невозможно. Вот приходит к тебе мужик за сорок без английского и без документов. Думаешь

(он легко, незаметно переходил на «ты»), его легко устроить? А если он еще и употребляет, а они практически все алкаши – те, что на стройку хотят? Что мне скажет через неделю фирманиматель, которая такой же мне партнер, как и строитель-алкаш – клиент? А если он больной, если у него язва, или лишний вес, или диабет, или ему нельзя на стройку? Куда я его засуну? А мне надо его засунуть, понимаете? И такие проблемы я решаю каждый день с девяти до шести, приходите. Хотя вы-то, вроде, трудоустроены, – с неприятным смешком добавил Петр, перейдя обратно на «вы». – Или вот, скажем, партнер мой торгует девками в массажном салоне и просит, чтобы я через агентство набирал туда людей. Как мне это сформулировать в объявлении, чтобы ко мне не прикопались? Вы сами хоть раз задумывались?

– Что, простите? – спросила Катя, оторвавшись от медитации на словах «торгует девками» и вновь, по-горячему вернувшись к беседе, – торгует девками в массажном салоне, вы сказали?

– Девушка, не надо играть в эти игры, не надо, пожалуйста. Все эти работницы прекрасно все знают. Все они хотят быть проститутками. Все это было известно еще до вашего рождения. Они хотят трахаться за деньги и добровольно идут в салоны. Но мы с вами говорили не об этом...

– Да, действительно, я сбилась с темы, простите. Спасибо вам огромное.

Кроме Жанны, русскую прессу в Нью-Йорке также представляла приснопамятная газета «Русская реклама», которая как раз давала рекламу Кларе (ее редколлегия утверждала, что не несет юридической ответственности за тексты объявлений, данные ее клиентами, однако звонить туда было все равно без мазы), – и газета «Древо жизни», которой руководил маленький худой человек Яков Житомирский, похожий на священную египетскую птицу Ибис. Все свои слова он всегда произносил не спеша. И так же, не спеша, он проговорил: «Приходите, Катя. Вы все еще курите? Приходите в редакцию. Покурим».

– Значит, так, – сказал Житомирский, – будет много дерьма, готовьтесь. Дерьма будет больше, чем вы привыкли, – тут же пояснил он, видя удивленное Катино лицо, – поэтому в нашей публикации будут ссылки. Верите, я не хотел и не хочу этим заниматься. Не хотел и не хочу, – у него были карие, почти черные глаза с тонко вычерченными, будто каменными, верхними веками. – Я поговорил с юристом, у нашей газеты она есть, но она... не курит, и вообще сейчас не здесь. Но она знает эту историю из моих уст. Не знает пока из ваших. В комплекте с публикацией вы должны предоставить все документы по делу Зюлькина, которые он вам даст, – все это есть в инете, и все это, я уверен, в виде pdf-файлов есть у него, а если нет, то вы эти файлы сделаете, скачаете с судебных сайтов. Также нужен номер кейса против Зюлькина, он есть в инете, поискать минуты три, это ваша работа, делайте ее. Также к показаниям других жертв должны прилагаться заявления, что это их слова, что они описали собственный опыт, мне все равно, что это будет, вордовские файлы или скриншоты из мессенджера. Я вижу ваше испуганное лицо, не делайте такое лицо, оно вам не идет, – добавил Яков, выбросил бычок на тротуар и молча захлопнул за собой входную дверь редакции. Катя тоже выбросила бычок на тротуар, постояла зачем-то еще немного на ступеньках, делая вдох и выдох, и пошла к метро.

И не три минуты, а две недели. Потому что из пятидесяти других жертв, имевших дело с Гольцман и кричавших об этом в фейсбуке, разговаривать с прессой согласились двое, при этом категорически отказавшись назвать собственные имена. Все это документировалось в виде скриншотов, в виде плети против обуха, в виде кукольного Христа против пустыни, и

выглядело как-то колхозно, даже Кате было это понятно. Поначалу достойно на этом фоне смотрелась редактор женского журнала Белла, которая до последнего клялась дать подробное интервью и привлечь к нему уборщиц, но в итоге позвонила и сослалась на давление и на то («и это главное, дитя мое»), что девочки боятся депортации из-за этого интервью («увы, они тоже нелегалки»).

После обретения регистрационного номера кейса Маша, юрист «Древа жизни», что-то пощелкала в ноутбуке и сказала Якову: «А почему это, интересно, мы не знаем, что на Гольцман заведено четырнадцать дел, и что она есть в блеклисте посредников, шесть анонимных жалоб как с куста?». «А потому, Машенька, что вы молодая и красивая, и мама с папой вас сюда привезли в восемь лет, а я сам себя привез. В сорок два».

Публикация, которую намеревалось взять «Древо жизни», должна была включать интервью непосредственно с Клариссой Гольцман, ибо не можем же мы поливать человека грязью безосновательно, надо было опросить эту, то есть другую, сторону конфликта. Катя подошла к зеркалу и отполировала перед ним свою самую сладкую, льстивую, самую мерзкую улыбку, и, не снимая ее, набрала телефон офиса агентства по трудоустройству. Трубку взяли сразу. После первого же гудка.

И зря она дрожала вся изнутри, как и зря планировала дернуть для храбрости, ибо Гольцман оказалась милейшей женщиной с невыразимо приятным голосом. Разумеется, она готова была поговорить с умным человеком, тем более – с умной женщиной, а вы умная женщина, Катя, я это чувствую, – сказала Гольцман.

«Поймите, этот человек болен. Он невменяем. Мне жаль его...» – говорила она. На вопрос, какой смысл заводить дело против психически больного, Клара отвечала, что «а как же не заводить-то, как же не заводить, он сознательно вредит нашему бизнесу, он распространяет о нас лживые сведения, я вообще не хотела начинать с ним сотрудничать! Почему начала? Поймите, я хотела ему помочь, он был нищим, больным уродцем». По словам Гольцман, иск был подан лишь тогда, когда Зюлькин разошелся не на шутку, и, не ограничившись одним объявлением о мошенничестве Клары, написал сюда, сюда и еще туда. На Катино «понимаете ли вы, что я не нахожусь ни на чьей стороне и делаю свою работу как репортер?» Клара с готовностью ответила; «Разумеется, понимаю, как понимаю и то, что вы хороший репортер, плохой бы мне не позвонил, плохой бы просто вылил грязи, и моему сы... нашему юристу пришлось бы оформлять другой иск, на сей раз против вашей газеты, а это куда более энергоемкий процесс. Кстати», – елеинным голосом добавила она, – «если *этот* разговор появится в газете, мы тоже будем с ней судиться».

Также Клара рекомендовала Кате как репортеру поговорить с женой Зюлькина, женщиной, которую Клара хорошо знает. И дала ее телефон.

Говорить с женой Зюлькина (этот человек что, еще и женат?) Катя решила аккуратно после похода на почту, ей нужно было отправить открытки матери и друзьям. Мелочь, без которой жизнь казалась немного хуже. Стоя в очереди в кассу почты, Катя услышала, как звонит ее телефон. Номер был мобильным и незнакомым.

– Здравствуйте, Екатерина, – сказал приятный мужской голос, – рад, что дозвонился до вас. Это Генри Гольцман, адвокат агентства Клариссы Гольцман. Я узнал ваш номер от Клариссы, он у нее определился. Я хотел бы кое о чем вас попросить.

К тому времени Катя вынырнула из очереди, так и не дойдя до кассы. Она стояла в углу почтового отделения с телефоном в одной руке и стопочкой открыток в другой.

– О чем вы хотели попросить меня?

– О том, чтобы вы никогда больше не разговаривали с Клариссой без моего разрешения, – четко сказал голос.

– На каком основании?

– На том основании, что я ее адвокат. И я имею право решать, с кем ей говорить, с кем нет.

– И что, все, кто с ней говорит, говорит с ней только через вас? Все, кто звонил Клариссе, сначала звонили вам?

Голос рассмеялся.

– Вы неправильно поняли меня, Катя. Вы мо-же-те говорить с Клариссой когда угодно. Но сначала вы должны звонить мне и предупреждать, что хотите поговорить с нею. Спасибо за понимание, – и повесил трубку.

Катя вернулась в очередь, за это время в нее встала еще пара человек, но это было неважно. Медленно двигаясь к кассе, Катя на автомате, не вполне осознавая, что делает, влезла в список звонков в мобильном и сохранила последний входящий под именем «Генри Гольцман». После этого она спрятала телефон, выровняла стопку открыток и достала из кармана мелочь на марки.

Когда она тремя минутами позже вручала мелочь кассирше со словами «Just a few postcards, please», телефон снова зазвонил и на экране высветилось «Генри Гольцман».

– Еще тридцать ваших секунд, Екатерина, – сказал Гольцман, – совсем забыл сказать кое-что необходимое.

– Слушаю вас.

– Если у вас возникнут какие-либо вопросы о деятельности Клариссы и ее компании, можете звонить мне в любое время, я с радостью вам все разъясню.

– Знаете... – сказала Катя, высыпав всю мелочь кассирше, машинально сунув туда же, в окошко кассы, открытки и отойдя оттуда, не в силах далее коммуницировать, – у меня сначала были к вам вопросы...

– Какие же? – поинтересовался Гольцман.

– Но они были сначала. А теперь их у меня нет, – сказала Катя и повесила трубку.

Жена Зюлькина, Регина, тоже сразу ответила. Она ждала звонка, знала, что ее будет беспокоить газета по поводу Славы («кто ей сказал?»). И ей почти нечего сказать прессе, кроме

того (она очень быстро вышла на крик, сначала, первые секунды говорила тихо и взволнованно, вскоре почти кричала, и было слышно, что она сейчас заплачет), что Славка хороший парень, просто с ним стало невозможно жить, он с принципами, и он хочет всех похоронить под этими своими принципами, сначала с ним были вежливы, ему вежливо (всхлип) сказали, что не надо ничего писать. Просто. Не надо. Ничего. Писать (пауза). Но он продолжил, и они взъелись, и мне звонила эта Клара, черт ее разберет, что за тетка, и этот мальчик, их юрист, мне тоже звонил, он спрашивал, здоров ли мой муж психически, но я что? Я знаю, что он был здоров, и вообще он нормальный парень был, и я любила его очень, и люблю его... очень... (дышит) извините, я не то говорю. Мы не развелись официально, просто я сняла отдельную квартиру, я не могу с ним с тех пор, как вся эта история началась, и я сказала тому мальчику, что он болен, потому что – а что я еще скажу? Что он здоров как бык и сознательно вредит бизнесу? Я не могу этого о нем сказать, потому что так-то он человек хороший. Был. Или есть. Поймите меня, пожалуйста, и я вас прошу, не надо про меня писать, про меня нечего писать, я ничего из себя не представляю, я простая женщина из Квинса, я не хочу в этом участвовать, не хочу, не хочу, простите.

Катя тоже дышит в трубку и думает тем временем о том, что между вдовой Гольцман и теми, другими (вот они, в трубке) иммигрантами пролегла огромная классовая черта, средне-вековый ров, в котором уже плавают много трупов, ров, бог знает когда образовавшийся, зато мы знаем, как возникший. Пожалуй, только костюмы их сближали, все они носили костюмы, и Зюлькин их носил – хотя про ширинку все мы помним, как помним и то, что классово более близкие к Зюлькину костюмов не носят, не имеют.

Потом, уже ближе к вечеру, звонит Яков, и у него мягкий, веселый голос, и он курит – слышно, как затягивается.

– Как дела? Трудимся?

– Трудимся.

– Когда будет текст?

– Сегодня.

– Сегодня уже поздно. Присылайте, я завтра утром почитаю.

Отправив текст и наглотавшись снотворного, Катя долго смотрела в стену, а потом незаметно отключилась.

Утром Яков позвонил и ровно, спокойно, не спеша, как он привык, сказал ей: «Катя, я почитал. Все хорошо. Даю трубку Марии, она хочет сказать вам кое-что».

Голос у Марии был низкий, по-русски она говорила с осязательным акцентом, но при этом грамотно и бегло, что производило довольно странный аудиоэффект.

– Катя, я Мария, лоер, – скороговоркой начала она, – номер с вашим текстом выходит послезавтра утром, и как лоер я прошу вас после выхода статьи не брать звонки с незнакомых номеров, не брать звонки из офиса Гольцман, не брать звонок Генри Гольцмана, не брать зво-

нок агента Петра, не брать звонки Айгуль, Шевченко, Геннадия и других жертв, показания которых есть в статье, звонки самого Зюлькина брать также нежелательно.

– А....

– Стойте, я не закончила. Если вам все-таки позвонят, и если вы все-таки возьмете трубку, и если тот, кто будет на телефоне, начнет что-то говорить о вашей статье, не-важ-но-что-он-бу-дет-го-во-рить (эту строчку она произнесла как киношный робот), вы отвечаете, что не несете ответственность за содержание текста...

– Погодите...

– Катя, слушаем до конца. Вы не несете ответственности за содержание текста, за него несет ответственность юридическая команда издания «Древо жизни», и именно с ней эти люди должны говорить в дальнейшем. Все. Вот то, что вы должны им сказать.

– А если они будут писать? Не звонить, писать мне?

– Не отвечайте, сохраняйте все скриншоты.

До чего идиотская история – покупать газету, чтобы прочесть там собственную статью, пахнет нарциссизмом; дело, однако, в том, что пункт продажи газет ближе к Катиному дому, чем редакция, потому газета все же куплена. Яков Житомирский выпустил текст полностью, он занял весь разворот, правок почти не было, все выглядело так же, как выглядел отправленный тем вечером в редакцию Каткин текст. Подробно изложенная история Зюлькина, номер кейса, график судебных заседаний, показания других жертв агентства, прямая речь коллеги миссис Гольцман, Петра Белоцерковского, владельца агентства по трудоустройству «Москва Златоглавая», стенограмма диалога автора материала с самой Гольцман и ее сыном, адвокатом агентства. Все там было. Ничего не срезали. Все оставили. Нормально так. Статью в тот же день перепечатал русский новостной портал, затем какой-то добрый самаритянин разместил на американском сайте перевод на английский (у Кати остались неподтвержденные подозрения, что самаритянами были Житомирский и Маша, все было проделано чисто, со ссылкой и благодарностью «Древу Жизни»), телефон Катя отключила, и компьютер отключила, кому надо – напишут на емейл, Житомирский не станет звонить, Катя его немного знает, она села в кухне с пачкой сигарет и стала молча курить одну за другой, потом вспомнила, что у нее где-то валяется старый мп3-плеер, а там есть кое-что, и Прокол Харум там вроде был, и Пинк Флойд был, и старый, то есть нормальный, Роллинг Стоунз там был, дай-ка я его найду, подумала Катя и потушила сигарету. Пошла искать.

Она включила телефон через сутки, а если аппарат выключен, входящие звонки, совершенные в данный период, не отображаются. Голосовой почты тоже не было, емейлов не было, было три смски. Одна была от Житомирского, там была просьба уточнить домашний адрес, чтобы бухгалтер смог прислать чек в конце следующей недели, вторая была от Зюлькина, длинная, извилистая, подбострастная, там было спасибо, спасибо и спасибо, но что за странный человек этот Зюлькин, не хотелось Кате ее читать, это что-то сакральное было, что-то чакровое, кармическое, энергетическое. И была смска от Петра Белоцерковского из агентства «Москва Златоглавая»: «Не думал, что у вас хватит яиц. Ну хоть не переврали, и на том спасибо. Звоните, когда понадобится работа».

Спустя еще сутки позвонила Жанна, она прочла последний выпуск конкурента и спросила Катю: «Вас там не убили, нет?» – «Нет, не убили».

«Никогда не думала, что Яша на такое решится», – задумчиво произнесла Жанна, предварительно сделав паузу.

После этого наступила полная тишина. На дворе было начало мая, жара в Нью-Йорк еще не пришла, можно было гулять по улицам, однако не хотелось. А в июне тем более не будет хотеться, жара свернет тебя в трубочку, в потную вонючую трубочку, и каждый раз, проходя мимо крана в кухне, ты будешь включать горячий, чтобы провести мокрой рукой по шее, а по вечерам выползает куда-то к морю, выбирая сегмент, где меньше людей, ибо не тебе одному осточертело это страшное время, называемое нью-йоркским летом. Жанна заказывала редкостную рекламную хрень, Катя делала ее ради еды.

В начале сентября открылся новый проект, в котором, по слухам, водились некие деньги. Катьке нужно было писать тексты и озвучивать их как подкасты, работать надо было в офисе. Офис находился в Бушвике, ехать следовало с пересадкой, дорога занимала часа полтора, но ребята были славные. Они сразу сказали, что деньги они платить будут, но будут платить недолго, что объем работы плотен в расчете на сутки, но ограничен по длительности, однако предоплата за него уже есть, и если Катьке нечего делать (а Катьке нечего делать) – типа велкам.

Во время пробной, ознакомительной поездки в офис Катька увидела у метро магазин странных вещей. Это было что-то среднее между секонд-хендом и пунктом продажи хендмейда, там было нескучно. Кругом висели кожаные сумки из 70-х, джинсы клеш, уже кем-то ношенные, тут же – новенькие значки «я веган» с желтой и зеленой эмалью вырви-глаз. Катерина просто гуляла, смотрела, вдруг увидела кольцо со змеей. Вообще таких колец по всему миру было множество, ничего необычного в этой кобре не было, разве что сделана она была кем-то, кто любил змей, поскольку стройный стан был у змеи той и трогательные глазки, любовно выцарапанные чешуйки на коже, работа чрезвычайно тонкая, абы кто не справится. Кольцо стоило 44 доллара, это был неблагородный металл.

Касательно покупки разных не-необходимых вещей у Катьки выработался принцип: если это моя вещь, она меня подождет. По крайней мере она меня подождет до завтра. Назавтра Катьке нужно было приехать в офис в два часа дня, набросать текст, записать подкаст, поговорить с ребятами, может, еще что-то будет нужно сделать. К половине второго можно зайти в тот магазинчик, а до половины второго можно думать, нужна ли мне эта кобра, – решила Катька. При том что пока есть работа, кобра не уползет в дыру в бюджете, ее можно купить, она отлично смотрится на руке. Это нежная, но сильная змея. Никогда, что важно, не нападающая первой.

Следующим утром, хотя утром этот полдень был, пожалуй, лишь для нее, она уже садилась в метро, доставала книгу, проверяла наличие того самого плеера, который нашла тогда в пыли и слушала в нем Пинк Флойд, вдруг снова захочется. Доехав до Essex street, пересела на М, ехать было не то чтоб долго, чередовала книгу с плеером, иногда совмещая и понимая, что это провал ее, Катьки, как Юлия Цезаря. И вот, когда двери открылись, и пора было выходить, и Катя снова задумалась о кобре, у нее – на платформе, откуда еще не отошел поезд, – зазвонил мобильный, на котором высветилась белая бесстыжая надпись «Zulkin».

С одной стороны, трубку было брать страшно, с другой – интересно. И Катя решила, что трубку она возьмет, но звуковой антураж вокруг скажет сам за себя, будет ясно, что она

в метро, и если что, это даст ей право легко отключиться и внести наконец этого бедного, странного, неприятного, жалкого, доброго, наивного и принципиального человека в блок-лист. Почему она не сделала этого раньше?

– Але.

– Катенька? – спросил Зюлькин. – Это ведь вы?

– Я, – и тут же, чтобы предупредить все возможные варианты развития дальнейших событий, добавила: – Что-то случилось, Вячеслав? Я в метро, извините.

– Ничего, Катенька! Ничего плохого! Только хорошее!

– Слушаю вас.

– Я готовился к суду, – начал рассказывать Зюлькин.

– Ах да, у вас же суд... какого числа, напомните?

– Да никакого!

– В смысле?

– Вы ничего не знаете? Истец прекратил свое существование. Фирма Клары закрылась и больше не оказывает услуг!

– Да вы что?!

– Я нашел адвоката. Бесплатного. Жена моя помогла. Она позвонила волонтерам. Они нашли мальчика, маленького мальчика, только колледж закончил, бесплатно работает, опыта набирается. По-русски плохо говорит, но говорит. И этот мальчик полез копать в документах, и оказалось, что дело закрыто, истец отказался от обвинения, более того, само агентство – закрылось!

– Я чего-то не понимаю, Вячеслав.

– И я показал этому мальчишке вашу статью, а он по-русски плохо читает, отнес родителям, мама ему перевела, он звонит мне и говорит: логично, логично, что они закрылись, там много обвинений он перечислил, и мошенничество, и намеренное трудоустройство нелегальных мигрантов, и давление на прессу... В общем, Катенька, я чисто сказать, что все хорошо, все отлично, вы не волнуйтесь.

«Какая ж я чертова скотина: я и не волновалась», – подумала Катя.

Она повесила трубку, бросила телефон в сумку, сделала глубокий вдох в этом душном, неоправданно душном, непонятно, как ему удастся быть таким душным при совершенно очевидных вентиляции и просторе, помещении. И этот вдох показался ей каким-то окончательным, таким, после которого уже может и не быть выдоха, все и так хорошо. И к кобре в магазин она затем не пошла, поскольку и без кобры нормально было.

Между небом и землей поросенок вился

Говорили, что они существуют. Но что видят их только дети и фотографии. Говорили, что их много, но как много – никто не знал. Говорили, что среди них есть Бархатный Слон, Пурпурная Ящерица, Кот (просто Кот), Усталый Железный Пес, Крылатый Носорог и Белая Нью-Йоркская Крыса. Говорили, что их легко опознать на небе. Что они могут приходить просто так, и могут – по делу. Говорили, что раз в пять лет они обязательно куражатся и делают с человеком что-то, чего он сам для себя не может. Говорили, что выводят из лабиринтов, подгоняют спасительные решения. И самое странное, что говорили о них: чтобы обратить на себя их внимание, нужно вспомнить старую правдивую песню. Никто не понимал, как определить старую (с этим ладно, было формально ясно) и правдивую песню. С определением правды – путались. С понятием детей путались, а в эпоху смартфонов стали серьезно путаться и с понятием фотографов. Говорили также, что у каждого из них есть свой день. И между собой эти существа якобы зовут его Днем Бессмертия.

Ленка шла по улице и думала (кстати!) о бессмысленности бессмертия. Ее немного забавляла как сама фонетическая составляющая словосочетания, так и его смысловая нагрузка. Бессмысленность. Бессмертия. Вот, например, живой производитель бессмертия. Врач. Он сидит у себя в кабинете и лечит. Или бегают и лечит. Или стоит по тридцать шесть часов в операционной и лечит.

Ленка остановилась на перекрестке, вынула сигарету, зажгла ее, посмотрела, затянувшись, на видимую неподалеку дверь клиники «Common Health», и подумала: а зачем? Зачем он лечит? Кого он лечит? К чему все эти люди?

Себя Ленка считала человеком относительно здоровым. Курящим, но не страдающим от болезней, связанных с курением. «Пока, то есть», говорят врачи – не страдающим. Выпить Ленка тоже могла – хорошей водки подо что-нибудь соленое с жареным мясом. «Печень» – вдруг подумала Ленка. Интересно, что для печени вреднее – водка или жареное мясо?

Бессмертие животного было хоть как-то обусловлено, будь оно возможно. Человек же был по сути полнейшей дрянью. Ленка искренне не понимала, зачем вся эта куча живых и грязных существ, идущих спереди и сзади нее, вдалеке, вблизи и по сторонам, шлепающих по лужам, давящих чужие экскременты, потребляющих и выбрасывающих, вообще должна жить.

Ленка шла в клинику за справкой. За справкой, что она здорова. Справка была необходима ей для предоставления администрации курсов home attendants. Хоуматтенденты – это такие специальные люди, которые ухаживают за другими больными или старыми людьми, сами, кстати, часто будучи больными и старыми людьми: круговая порука и оборона. Старики – за стариков. Сравнительно здоровые – за больных. Ленка собиралась учиться на этих курсах в числе редких «молодых». Она уже отучилась половину срока и даже сдала тесты на знание половины программы. Она уже умела пользоваться механикой – тяжеленным подъемником для парализованных больных, – ставить и выносить судно, менять памперсы, перетаскивать пациента в инвалидную коляску вручную, в две руки, в четыре руки, перестилать постель по правилам госпиталей, причем непосредственно под лежащим пациентом, измерять давление и оральную температуру, она уже знала, что входит в ее обязанности, а что – в обязанности медсестры, и почему этого ни в коем случае не стоит путать... Она была лучшей на курсе – одной из двух-трех женщин в их группе, кто хотя бы относительно знал английский, ее там, кажется, даже успели полюбить некоторые. Не все. Далеко не все. Но некоторые. Но потом Ленка вылетела. По болезни. Болезнь пришла к ней прямо на уроке: она вдруг начала тяжело кашлять, у нее закружилась голова, заболели кости, на нее силой (там много чего делалось силой, курсы были бесплатными) надели маску, она смогла просидеть еще сорок пять минут, и эти сорок

пять минут голова ее была занята лишь одним: дойдет ли она домой. Доедет ли. Доползет. Взять Убер? Дорого для такого расстояния. Ехать в метро? Ну, ехать в метро. Подумаешь, с температурой и кружащейся головой ехать в метро, держась за его замызганные стены. Можно подумать, ни разу не проходили.

Ленкин муж перестал содержать семью. Частично в том была его ответственность, частично – ситуация на рынке, это уже было неважно, важно то, что раньше он содержал, а сейчас не мог. Так бывает – думала Ленка. Так со всеми может случиться. Не то чтобы она рассчитывала, что ее всегда будут кормить – она умела себя кормить, просто расслабилась. Ленкин муж был хорошим парнем. Ему ничего было для нее не жаль. Он был готов кормить, если б американский рынок не заняли индусы. В какой-то момент он помог индусам тем, что сам где-то протормозил, чего-то не учел, и вылетел с рынка программного обеспечения. Потом там, наверху, решили изменить правила приема людей на работу. Интервью стали проходить странно и по-дурацки, в интернете начались дебаты о том, как там, наверху, решили окончательно прищучить рынок software development – всего этого Ленка не читала, но знала, что это происходит, эти разговоры окружали ее постоянно, супруг часто говорил по телефону с друзьями, она все слышала. Потом ему сказали где-то: «Мы бы взяли вас... но вы не индус». Эти люди знали о расизме все. Они жили в стране, искоренившей расизм, а потому не могли не знать о нем всего.

Ситуация постепенно стала устрашающей, нужно было платить рент, который раньше казался таким дешевым, а теперь таким дорогим, хотя сумма не изменилась. Получилось так, что Ленка, выйдя замуж, перестала испытывать финансовую нужду, и это повлияло на ее мышление, как хорошая доза ЛСД. Обволокло Ленкин мозг. Раньше Ленка все время выкручивалась сама, а тут возьми и познакомься с хорошим парнем, который готов был для нее на все, как ей казалось. Потом обвал рынка, кризис, безработица. По профессии Ленка – журналист. Что делать в Америке журналисту со своим русским языком? На этот вопрос существовал далеко не один ответ, но все они звучали как-то отдаленно, потенциально отодвинуто во времени, например – начать писать по-английски для американских изданий, или нанять переводчика, как Довлатов или Лимонов. Времена Довлатова и Лимонова прошли, переводчики стали брать стопроцентную предоплату, независимо от того, продан будет материал или нет, и никто бы не договорился уже, как Сергей Донатович, за половину потенциального, будущего гонорара. Это была ее мечта – договориться за половину будущего гонорара с переводчиком. Но на дворе был двадцать первый век. Какой такой будущий гонорар? Будущий гонорар может быть только у тебя, Лена: ты напишешь и будешь терпеливо ждать, когда тебе соизволят заплатить. А переводчику ты наугад заплатишь раньше. Если будет чем.

Ленка понемногу писала в русские газеты. В американские русские газеты. Там платили мало. Ленка пыталась отстоять каждую копейку, но американские русские газеты тоже были не пальцем деланы и платить больше – отказывались. То есть, не писать Ленка не могла. Тогда бы денег не было вообще. А писать за копейки было унижительно. Но Ленка писала. Потому что иного не предлагали. «Интернет перебил нам все, нас вообще могут скоро закрыть», – говорили в редакциях. Ленка все понимала. Она знала, что ее статьи никто, кроме пенсионеров, не читает. Так что она будет работать на пенсионеров. На русских пенсионеров. На людей, объединенных общим великим горем, имя которому – русский язык. Не тем образом, так другим. Не писать для них, так хоть горшки выносить. Ленка не строила иллюзий, она понимала, что разница велика, но тогда еще не понимала – насколько.

Мужа накалывали с работой раз примерно восьмой. Он проваливался – человек с огромным опытом, уверенный, знающий свое дело программист – проваливался на восьмом подряд интервью. Это было что-то кармическое, что-то сверху. Бывает так, что человеку начинает патологически не везти. Везло-везло, а потом раз – и перестало. Ленка не могла уже думать про это, она думала про это несколько месяцев, а потом ее ресурсы думания на данную тему закон-

чилились. В конце концов, Ленке тоже, бывало, не везло. Это у всех бывало – когда подолгу нет работы. Даже у самой Ленки, давно, но было. Но тогда она сама была кормильцем, теперь же в Ленкином случае работы долго не было именно у кормильца – хорошего парня, который готов на все, однако при иных обстоятельствах. При обстоятельствах текущих он стал вспыльчивым, депрессивным, нервным – что тут вообще объяснять. Мужу нельзя без работы – считало общество. Ленка почти всю жизнь писала статьи в раздел «общество» – поэтому общество она искренне ненавидела всей душой (много о нем знала), однако вот тот самый тезис про то, что мужу нельзя без работы, – к нему она вдруг прислушалась. Придумалась. И поняла, что да. Нельзя. Не из-за денег. А просто нельзя. Это как-то бьет по нему – с какой-то незнакомой стороны. Или уже знакомой, черт ее разбери.

Постепенно на горизонте замелькала перспектива остаться на улице без куска хлеба. Кто-то должен был работать. Хоть кто-то. Хоть где-то. Ленка обзвонила все редакции с просьбой взять ее в редколлегию на полный рабочий день – она же давно пишет, она же зарекомендовала себя, ее же любят, она готова... Да на все она готова, сукин ты кот. Ей было заявлено, что полной ставки сейчас нет нигде – всех везде посокращали, чтобы освободить часть финансирования для таких, как она, – для репортеров-фрилансеров, пишущих авторские материалы. Однажды она даже спросила: а вам печатники в типографию не нужны? Я могу. Мне даже приятно будет, сфера родная. Ей ответили, что это тяжелая мужская работа. Она, Елена, не сможет проделывать ее чисто физически. Спорить у Ленки уже не оставалось сил – все ранее имевшиеся куда-то делись.

Посетители немощных пенсионеров и инвалидов в Америке вообще и в Нью-Йорке в частности были на вес золота. Для них открывались курсы, как платные, так и бесплатные. Платные отличались от бесплатных тем, что на платных можно было выбрать удобный тебе график обучения, а на бесплатных – нет, там была армия. К восьми пришел, к пяти ушел. Всего две недели, но – армия. Бесплатные курсы делали одолжение. То есть, это их посетители, студенты курсов, должны были думать, что им делают одолжение, – де факто агентства по уходу за пожилыми открывали эти курсы для того, чтобы иметь сотрудников, которых они в должном количестве не имели. Это был обман в стиле Марка Твена, история о том, как Том Сойер красил забор. «Мы тратим на ваше образование по тысяче долларов на каждого студента за один курс», – говорила тощая тетка лет пятидесяти, выдавая на руки каждому пачку ксерокопий стоимостью максимум доллара три.

За партами сидели взрослые, изрядно обгрызанные жизнью тетки. Они тоже хотели работать хоть где-то. Ленка всерьез сомневалась в том, что они искренне хотят ухаживать за больными стариками, что видят в этом благодеяние и призвание. Не может быть такого количества людей в мире, искренне, по велению души, готовых переносить инвалидов с кровати в инвалидное кресло и обратно, выносить за ними судна, вымывать их рвотные массы, драить стены их сортиров, терпеть обвинения в краже денег или золотых колец у альцгеймерных старух, у которых не было ни денег, ни колец, но была странная сила, идущая изнутри, сила неконтролируемая, призванная обидеть, унижить, обвинить – сделать с этой «хоматендой» все, что мир сделал с ними самими за девяносто три года. Или за семьдесят три. Или за восемьдесят.

Ленка отвыкла от жизни в стиле «спецназ» с тех пор, как встретила хорошего парня. Свободный художник, жена успешного высокооплачиваемого программиста, позволяющая себе пописывать, когда захочется, в разные издания – и русский журналист, жена безработного, считающая каждую копейку, каждое утро просыпающаяся с мыслью «выжить, выжить» – немного разные вещи.

Она подходила к мужу, стоящему у окна, как в тумане, и говорила ему шепотом «не опускай руки, только не опускай руки». На третий день он ее уже не слышал, привык к этому монотонному и противному брзжанию. Они говорили шепотом и синхронно, и никто никого не слышал. Она шептала «не опускай руки», а он: «я нахрен никому не нужен, я никому не

нужен нахер... меня снова отфутболили». Никто точно не знал, в чем дело, то ли в фобии с приевшимся уже названием «русские хакеры», открывшейся, словно язва, после выборов Трампа (у ее мужа была яркая русская фамилия), то ли и правда в изменениях на рынке, связанных с дешевизной специалистов из Индии, то ли... в общем, когда Ленка курила на углу, это было уже неважно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.